

„Критико-библиографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 г.“

Выпуская въ свѣтъ настоящую статью, мы должны оговориться, что по многимъ причинамъ мы не могли исчерпать всего, имѣющагося въ нашей литературѣ, матеріала, появившагося въ печати за юбилейный годъ и посвященнаго выясненію взглядовъ, трудовъ и фактовъ жизни великаго поэта.

Въ своемъ обзорѣ мы не коснулись перваго тома Академическаго изданія по той причинѣ, что этому изданію возможно или посвятить отдѣльное большое изслѣдованіе или вовсе не касаться его. Но и кромѣ монументальнаго Академическаго изданія, не вся новѣйшая Пушкинская литература разработана нами. Этому помѣшали слѣдующія причины: 1) слишкомъ короткое время, протекшее со времени выхода большинства книгъ и брошюръ до изданія этого сборника ¹⁾, 2) разнообразные труды все продолжаютъ и продолжаютъ появляться и полный обзоръ юбилейной литературы едва ли скоро будетъ возможенъ, 3) нѣкоторыя книги (напр., вышедшія въ Сибири) не всегда возможно своевременно получить.

Насколько намъ извѣстно, Пушкинская литература прошлаго года заключаетъ въ себѣ до 200 отдѣльныхъ книгъ, не считая массы статей въ журналахъ, газетахъ и, вообще, повременныхъ изданіяхъ. Вышедшія книги распадаются на 4 отдѣла: 1) научныя и критическія, 2) художественныя и музыкальныя, 3) различные сборники статей, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину, 4) новыя изданія сочиненій поэта. На долю 1-го и 3-го отдѣловъ изъ этого числа достается до

¹⁾ Настоящая статья окончена 6 декабря 1899 года.

120 книгъ, часть которыхъ является перепечатками выпедшихъ до 1899 года.

Эти-то отдѣлы мы и рассматривали главнымъ образомъ (за исключеніемъ старыхъ книгъ, вновь изданныхъ) въ своемъ обзорѣ.

Въ концѣ мы сочли не лишнимъ помѣстить возможно полное перечисленіе всѣхъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину и выпедшихъ въ 1899 г. ¹⁾.

Въ заключеніе, позволяемъ себѣ выразить глубокую благодарность за любезное содѣйствіе своими указаніями при составленіи настоящей статьи проф. Александру Ивановичу Кирпичникову, а также завѣдующему университетской библіотекою Дмитрію Дмитриевичу Языкову, а въ его лицѣ и всѣмъ служащимъ въ библіотекѣ.

Пушкинъ. — Биографическіе матеріалы и историко-литературныя очерки. — Л. Майковъ.

Предлагаемый сборникъ заключаетъ въ себѣ рядъ статей о Пушкинѣ — биографическаго и историко-литературнаго содержанія. Акад. Майковъ помѣстилъ сюда всѣ тѣ матеріалы, которые не будутъ цѣликомъ включены въ академическое жизнеописаніе Пушкина. Часть этихъ матеріаловъ уже была напечатана, какъ въ различныхъ журналахъ, такъ и въ книгѣ самого автора, выпедшей въ 1895 году, часть появляется въ печати впервые ²⁾.

Въ сборникѣ помѣщено 13 статей, на которыхъ мы и остановимся послѣдовательно.

I. Первая статья — «Молодость Пушкина по рассказамъ его брата» была уже помѣщена послѣ смерти Льва Сергѣевича въ «Москвитянинѣ», въ 1853 г. Статья очень коротка и обнимаетъ періодъ времени отъ рожденія поэта до возвращенія его въ Москву въ 1826 г. Извѣстно, что Левъ Сергѣевичъ былъ моложе брата 5-ю годами. Въ силу этого онъ не могъ, конечно, помнить жизни своего маленькаго брата въ кругу семейства, а также и поступленія его въ лицей. Поэтому событія до выхода послѣдняго изъ лицея рассказаны, очевидно, съ чужихъ словъ и очень кратко. Такою же почти крат-

¹⁾ Опущены только музыкальныя произведенія на Пушкинскій текстъ и изданія студѣльных сочиненій.

²⁾ Статьи, вошедшія сюда изъ книги Майкова 1895 г., отмѣнены у насъ.

костью отличаются и дальнѣйшія воспоминанія. Еще при первомъ выходѣ въ свѣтъ этого «Біографическаго извѣстія» въ 1853 году, Гаевскій въ 89 томѣ «Отечественныхъ Записокъ» подвергъ строгой критикѣ его хронологическія указанія и, дѣйствительно нашель, разные промахи, упоминаемые и Майковымъ. Однако, среди этихъ промаховъ мы не нашли пропуска извѣстія о посѣщеніи Пушкина въ Михайловскомъ его другомъ И. И. Пущинымъ: Л. С. ничего не упоминаетъ объ этомъ событіи.

Дальнѣйшую часть статьи Л. Майковъ посвящаетъ біографіи и характеристикѣ Л. С. По этой характеристикѣ интересно прослѣдить общія черты въ характерахъ обоихъ братьевъ. Оба отличались крайней безалаберностью, полнымъ неумѣніемъ вести свои денежные дѣла, безразсудной храбростью, добрымъ сердцемъ. Оба всю жизнь сохранили эпикурейскіе взгляды въ лучшемъ значеніи этого слова, но характерно для того и другого выраженіе этихъ взглядовъ. Свѣтлый взглядъ поэта на міръ отразился въ чудныхъ стихахъ извѣстной элегіи:

„И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сиять“.

Л. С., умирая, съ улыбкою повторялъ: «Не пить мнѣ болѣе кахетинскаго!»

Въ концѣ статьи приложено извлеченіе изъ формулярнаго списка Л. С. Пушкина.

II. «Записка И. И. Пущина о Пушкинѣ».

Эти интересныя записки впервые были напечатаны еще въ 1859 году въ «Атенеѣ», печатались и потомъ нѣсколько разъ, но съ значительными пропусками, а цѣлкомъ въ первый разъ были помѣщены В. Е. Якушкинымъ въ «Сѣверномъ краѣ» за 1899 годъ. Л. Майковъ пользуется рукописью Якушкина и потому въ содержаніи записокъ нѣтъ ничего новаго въ сравненіи съ текстомъ, напечатаннымъ въ вышеупомянутой Ярославской газетѣ.

Въ послѣсловіи Майкова къ этимъ запискамъ не указано, на

что собственно заключаютъ въ себѣ намекъ слѣдующія строки Пушкина, посвященные Пушкину:

„Ты осыятилъ тобою избранный санъ,
Ему въ очахъ общественаго мнѣнья
Завоевавъ почтеніе гражданъ“.

Это—намеки на осужденіе за убійство судьей Пушкинымъ композитора Алябьева, несмотря на могущественную протекцію послѣдняго. Въ эпоху дореформеннаго суда это, дѣйствительно, былъ подвигъ.

Замѣтимъ кстати, что Майковъ невѣрно датируетъ смерть И. И. Пушкина: онъ умеръ 3-го апрѣля 1859 г., а не 58 года.

III*. «Бессарбскія воспоминанія Вельмана и его знакомство съ Пушкинымъ»¹⁾.

Ал. Ом. Вельманъ, имя котораго нынѣ совсѣмъ позабыто, въ свое время (1820—1850) былъ небезызвѣстный писатель, писавшій фантастическія повѣствованія, какъ изъ современной жизни, такъ и изъ баснословнаго періода русской исторіи. Пописывалъ онъ и стихи, что отчасти и было причиной знакомства его съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ. Позже они встрѣчались въ Москвѣ.

Главное значеніе воспоминаній Вельмана заключается въ основной ихъ мысли о плодотворномъ вліяніи условій бессарабской жизни на творчество Пушкина. «Многое въ Бессарабіи», говоритъ Майковъ, «обращало на себя вниманіе Пушкина, дѣйствовало на его воображеніе и такъ или иначе питало его творчество. Эту таинственную связь между личностью поэта и краемъ, куда онъ попалъ, Вельманъ угадалъ съ большою проницательностью и потому его статья представляетъ хорошій матеріалъ для исторіи жизни и творчества Пушкина въ періодъ его пребыванія въ Кишиневѣ». Встрѣчаются въ воспоминаніяхъ и нѣкоторыя неточности (напр., о службѣ Батюшкова въ Кишиневѣ, стр. 120), нѣкоторыя невѣрныя предположенія (исторія происхожденія поэмы «Братья-разбойники», стр. 127), но въ общемъ, это—цѣнный матеріалъ для будущей полной біографіи поэта.

IV*. Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ».

¹⁾ Извлеченія къ этой статьѣ были напечатаны въ В. Евр. 1881 г., III.

Извѣстно, что однимъ изъ ближайшихъ друзей поэта былъ Ник. Ник. Раевскій, младшій сынъ знаменитаго ветерана 12 года ген. Раевского. Въ перепискѣ Пушкина встрѣчаются указанія на постоянный письменный обмѣнъ мнѣній между друзьями, но къ несчастью, отъ этой переписки осталось всего 2 письма Раевского. Одно изъ нихъ было напечатано въ 1881 г. Бартеневымъ, а другое, найденное въ бумагахъ Анненкова, впервые напечаталъ въ своемъ сборникѣ 1895 года Л. Майковъ. Весьма интересное письмо, показывающее, сколько значенія придавалъ Пушкинъ литературнымъ совѣтамъ своего друга.

V. «А. Н. Вульфъ и его дневникъ».

Этотъ интересный дневникъ впервые появился въ печати въ «Русской Старинѣ», въ февральской и слѣдующихъ книгахъ 99 года.

Дневникъ обнимаетъ періодъ времени съ 27-го по 42-й годъ, но велся онъ съ большими пропусками: такъ, нѣтъ никакихъ записей съ 36-го по 41-й годъ. Несмотря на это, онъ заключаетъ въ себѣ много интереснаго, какъ для характеристики автора, такъ и по нѣкоторымъ свѣдѣнїямъ объ Ал. и Львѣ Пушкиныхъ и объ окружавшей ихъ средѣ. Какъ извѣстно, къ этому Вульфъ относятся слѣдующія лестныя строки въ замѣткахъ Пушкина: «Въ концѣ 1825 г. я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ... онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ... Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ»... Такая характеристика подтверждается общимъ тономъ дневника: живое отношеніе къ умственнымъ интересамъ никогда не покидало автора. Всю свою жизнь онъ дѣятельно слѣдилъ за литературой, много читалъ, собралъ хорошую бібліотеку. Въ его дневникѣ встрѣчаются пространныя разсужденія о воспитаніи, о русско-польской политикѣ и т. п. Немного странно его замѣчаніе объ атеизмѣ: онъ рассказываетъ, что читалъ одно французское сочиненіе, въ которомъ доказывается существованіе Божіе «въ чемъ, однако, еще нѣчто, кажется, и не сомнѣвался» прибавляетъ онъ. Мнѣніе странное, хотя бы по извѣстному эпизоду съ Пушкинымъ, котораго (эпизода онъ не могъ не знать. Пушкинъ за свой «атеизмъ» былъ сосланъ въ Михайловское въ 1824 году, а эта замѣтка писана въ 34.

Нѣтъ также ни одного намека на замышлявшееся бѣгство Пушкина за границу черезъ Дерптъ съ помощью Вульфа.

Извѣстны стихи Языкова въ посланіи къ П. А. Осиповой:

„На воровомъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый,
Спѣша въ Тригорское, одинъ —
Вольтеръ и Гёте и Расинъ,
Являлся Пушкинъ знаменитый“.

Вульфъ утверждаетъ, что на самомъ дѣлѣ никакого аргмака не было, а была самая прозаическая кляча. Также отвергаетъ Вульфъ и сообщеніе И. И. Пущина, что Пушкинъ въ Михайловскомъ находился подъ духовнымъ надзоромъ. Онъ говоритъ, что посѣщенія монаха Іоны были случайными.

Вотъ главные интересные пункты записей и воспоминаній Вульфа.

VI*. «Воспоминанія А. П. Кернъ».

Всѣ воспоминанія А. П. Кернъ были напечатаны въ различныхъ журналахъ еще при ея жизни. Л. Майковъ прибавилъ только нѣкоторыя неизданныя письма ея къ Анненкову. При тѣхъ частыхъ встрѣчахъ, которыя происходили у Кернъ съ поэтомъ, можно было ожидать болѣе содержательнаго матеріала и интересныхъ подробностей въ характеристикѣ поэта. Во всѣхъ ея воспоминаніяхъ слишкомъ выступаетъ впередъ личность автора.

VII. «Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ».

(По матеріаламъ Остафьевскаго архива). Еще въ только начатыхъ изданіемъ бумагахъ Остафьевскаго архива князя П. А. Вяземскаго отыскался замѣчательный документъ, имѣющій отношеніе къ его критико-біографическому этюда объ Озеровѣ, написанному въ 1816 году, въ годъ смерти трагика. Опираясь на образцы, завѣщанные французской ложноклассической литературой и критикой, авторъ сравниваетъ Озерова съ Карамзинымъ и признаетъ ихъ заслуги одинаково важными для російской литературы. «Оба, говоритъ онъ, оставили между собой и предшественниками своими великое разстояніе». Уже въ 28 году Вяземскій счелъ нужнымъ сдѣлать къ своей статьѣ прибавку слѣдующаго содержанія: «Кн. Вяземскій, будучи тогда, въ годъ смерти Озерова, 24 лѣтъ, написалъ помѣщаемую здѣсь біографію нашего трагика. Каковы бы ни были теперь мнѣнія автора о драматической поэзій, его замѣчанія драго-

цѣнны, какъ первыя движенія чувствительности»... Изъ этого добавленія видно, что критическій вкусъ Вяземскаго успѣлъ измѣниться за протекшія 12 лѣтъ. На основаніи нижеслѣдующихъ данныхъ мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что этому измѣненію не мало способствовали критическіе взгляды Пушкина.

Въ вышеупомянутыхъ архивныхъ бумагахъ имѣется печатный (1816 года) экземпляръ статьи Вяземскаго съ проложенными бѣлыми листами (на нихъ водяной знакъ 1825 г.), на которыхъ, равно какъ и на поляхъ печатнаго текста, находится рядъ критическихъ замѣтокъ, какъ о статьѣ Вяземскаго, такъ и о самомъ Озеровѣ. «Замѣтки эти принадлежатъ А. С. Пушкину»—говоритъ Майковъ. Къ сожалѣнію, почтенный академикъ не указываетъ, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе: имѣется ли гдѣ-нибудь подпись поэта или это заключеніе основано на почеркѣ и на слогѣ и характерѣ самыхъ замѣтокъ ¹⁾. Эти замѣтки очень интересны, какъ для болѣе полной характеристики литературныхъ взглядовъ поэта, такъ и по требованіямъ, предъявляемымъ имъ къ литературному слогу.

Пушкинъ былъ невысокаго мнѣнія объ Озеровѣ, что извѣстно изъ его наброска «О драмѣ» (1830 г.). Между прочимъ Вяземскій высказалъ мнѣніе, что «Эдипъ въ Аѣинахъ» поставилъ Озерова на степень первѣйшаго нашего трагика. Пушкинъ подчеркиваетъ слово «первѣйшій» и сбоку приписываетъ:

„Въ Москвѣ считался знаменитымъ
Затѣмъ, что былъ одинъ“.

Въ особенности интересны замѣчанія Пушкина о слогѣ этого произведенія Вяземскаго: Пушкинъ предъявляетъ тѣ же требованія, которыя еще 17-ти лѣтъ выразилъ въ юмористическомъ «Желаніи»:

„Да не воскреснутъ отъ забвенья
.....
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено
То-есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грѣшно“.

¹⁾ Заключеніе о принадлежности замѣтокъ Пушкину основано на почеркѣ. Д. Ш.

«Да говори ты просто: ты довольно уменъ для этого!»—восклицаетъ Пушкинъ, встрѣтивъ въ статьѣ объ Озеровѣ слѣдующую фразу: «Изъ нашихъ драматическихъ твореній всякое болѣе или менѣе ознаменовано печатью отверженія, наложеннаго на нашъ театръ рукою Талии и Мельпомены». На другой страницѣ той же статьи Пушкинъ прочелъ: «Главнымъ свойствомъ его сердца была любовь къ друзьямъ» и спѣшить замѣтить: «Любовь къ друзьямъ» по русски—дружба, не свойство, а страсть развѣ». Нѣкоторыя неудачныя выраженія онъ просто зачеркиваетъ и замѣняетъ своею поправкою. Такъ, напр., противъ словъ: «И совѣмъ поглотила его бездна забвенія»—онъ пишетъ: «И совѣмъ его забыли (и проще и лучше)». Изрѣдка дѣлаетъ онъ замѣтки: «хорошо», «прекрасно», но и тутъ дѣло не всегда обходится безъ поправки: такъ, выраженіе Вяземскаго: «въ льдистомъ сосудѣ» понравилось поэту, но тутъ же онъ предлагаетъ и исправленіе: «Не въ ледяномъ ли?»

Итакъ, въ этихъ краткихъ замѣткахъ ясно выступаютъ взгляды Пушкина на слогъ и его отношеніе къ остаткамъ русской ложно-классической поэзіи.

VIII* Пушкинъ о Батюшковѣ.

Л. Майковъ при помощи П. И. Бартенева получилъ отъ одного изъ потомковъ Пушкина экземпляръ «Опытовъ» Батюшкова съ многочисленными замѣтками Александра Сергѣевича. Замѣтки, повидимости, относятся къ періоду 26—28 гг., т. е. ко времени полного расцвѣта таланта поэта и потому представляютъ крупный интересъ, уясняя намъ взглядъ поэта на своего предшественника и, отчасти, учителя въ области антологическаго творчества. Похвалы и порицанія перемѣшиваются между собою; но надо отмѣтить, что первыя достаются главнымъ образомъ художественной техникѣ стиховъ, въ то время, какъ вторыя выпадаютъ на долю содержанія лирики Батюшкова. Пушкинъ считаетъ ее скудной. Есть весьма любопытныя замѣчанія: такъ, напр., къ стиху:

„Какъ ландышъ подь серпомъ убійственнымъ жнеца“...

(Элегія „Выздоровленіе“).

Пушкинъ приписываетъ: «Не подь серпомъ, а подь косою: ландышъ растеть въ лугахъ и рощахъ,—а не на поляхъ засѣянныхъ».

Отсюда видно, какое значеніе придавалъ Пушкинъ точности и отдѣлѣ выразеній. На страницахъ 296 и 298-ой мы нашли у Майкова нѣкоторое противорѣчіе. Такъ, на стр. 296-ой, по поводу стиховъ Батюшкова:

„Онъ предъ образомъ, конечно,
Затеплять чистую свѣчу
За чье здоровье—умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечный!“

(въ А. И. Тургеневу).

имѣется выписка изъ замѣтокъ Пушкина: «Я не угадаю; если за здоровье Тургенева, то это плоско; если нѣтъ, такъ изъяснись. Охота печатать всякій вздоръ! Батюшковъ не виновать». «Изъ послѣднихъ словъ надобно заключить», говоритъ Майковъ «что Пушкинъ приписывалъ редакцію «Опытовъ» не самому автору, а Гнѣдичу; на самомъ же дѣлѣ послѣдній былъ только издателемъ и печаталъ сборникъ по рукописи, доставленной Батюшковымъ». На стран. 298-ой Майковъ по поводу плохого отзыва Пушкина о «Монгольской баснѣ» Батюшкова говоритъ: «Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что эта пѣса, написанная еще въ 1808 г., была включена въ «Опыты» противъ воли автора, по желанію Гнѣдича». Оказывается, что стихотворенія Батюшкова печатались не вполнѣ строго сообразуясь съ рукописью и, слѣдовательно, восклицаніе Пушкина было совершенно правильно.

IX* «Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ».

Записки Шевырева извлечены изъ бумагъ Анненкова, который придавалъ этимъ замѣткамъ большую цѣну.

Извѣстно, что Шевыревъ сотрудничалъ съ Пушкинымъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» и около времени основанія этого журнала (конецъ 1826 г.) и состоялось ихъ знакомство ¹⁾, которое, впрочемъ, никогда не было особенно близкимъ. Тѣмъ не менѣе, воспоминанія Шевырева затрогиваютъ, хотя и кратко, дѣтство и отрочество поэта, вѣроятно, на основаніи рассказовъ лицъ, близкихъ къ Пушкину. Но этотъ отдѣлъ записокъ не имѣетъ цѣнности: часть свѣдѣній общеизвѣстна, а часть сомнительна (напр., анекдотъ о вопросѣ имп. Александра: «Кто здѣсь первый?»), часть же прямо

¹⁾ По мнѣнію М. Веневигина, 17 сент. 1826 г. См. Р. Вѣд. № 143. 1899 г.

невѣрна: Шевыревъ, напр., утверждаетъ, что Евгеній Онѣгинъ былъ начатъ Пушкинымъ еще въ Петербургѣ. Дальнѣйшее содержаніе записокъ касается главнымъ образомъ пребыванія Пушкина въ Москвѣ и его участія въ Московскомъ Вѣстникѣ.

X «Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ (1826—1830)».

Матеріаль для этой интересной, еще нигдѣ не напечатанной, статьи полученъ Майковымъ изъ семейнаго архива Киселевыхъ, за однимъ изъ которыхъ (Серг. Дм.) была замужемъ младшая Ушакова (Елиз. Ник.). Пушкинъ познакомился съ семействомъ Ушаковыхъ, состоявшимъ изъ отца, матери, двухъ дочерей и трехъ сыновей, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Москву изъ Михайловскаго въ 1826 г. Извѣстно, что старшая Ушакова была симпатіей поэта до увлеченія имъ Ан. Ал. Олениной: онъ бывалъ у Ушаковыхъ 2—3 раза въ день. По обычаю того времени Екатерина Николаевна и Елизавета Ник. имѣли свои альбомы, въ которые знакомые писали свои стихи. Къ сожалѣнію, сохранился только одинъ альбомъ Елиз. Ник., а вмѣсто сожженного альбома старшей сестры остались только 2 ея собственноручныя копіи съ бывшихъ тамъ стихотвореній Пушкина:

„Когда, бывало, въ старину
Являлся духъ иль привидѣнье,
То прогоняло сагану
Простое это изреченье:
Аминь, аминь, разсыпсья“ и т. д.
„Въ отдаленіи отъ Васъ
Съ Вами буду неразлученъ“... и т. д.

Въ печатныхъ изданіяхъ 4-ый стихъ перваго стихотворенія до сихъ поръ читается «Пустое это изреченье». Очевидно, что правильнѣе и по формѣ и по смыслу читать «простое».

Затѣмъ въ послѣднихъ стихахъ того же стихотворенія:

„Я содрогаюсь предъ тобою
И сердцу, полному мечтою,
Аминь, аминь, разсыпсья! говорю“.

До сихъ поръ читалось: «И сердца пылкаго мечтою»... Новое чтеніе даетъ лучшій смыслъ.

Второе стихотвореніе, согласно заглавію, данному самой Ек. Ник. «Экспромтъ при отъѣздѣ на Кавказъ», обыкновенно относи-

лось издателями къ 1829 году. Но въ списокѣ подѣ стихами стоитъ дата «16 мая 1827 г.». Выходить какъ бы противорѣчіе, но оно устраняется тѣмъ соображеніемъ, что о поѣздкѣ на Кавказъ Пушкинъ началъ думать еще за 2 года до того, какъ совершилъ ее.

Третье стихотвореніе Пушкина, имѣющіе отношеніе къ Ушаковымъ:

„Вы избалованы природой,
Она пристрастна къ Вамъ была
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется довучной одой“...

написано въ альбомѣ Елиз. Ник., но отъ этого альбома (№ 2020) уцѣлѣли только 2 листика. 4-ое стихотвореніе, къ Екат. Ник. «Отвѣтъ» («Я Васъ узналъ, о мой оракуль...») при самомъ появленіи было напечатано въ «Литературной Газетѣ» янв. 1830 г.

Кромѣ этихъ стихотвореній, уцѣлѣвшій альбомъ Елиз. Ник. весь разрисованъ пушкинскими карикатурами и набросками. Главной темой служила любовь Елиз. Н. къ Серг. Дм. Киселеву, будущему ея мужу. Есть шуточные наброски автобіографическаго характера. Здѣсь помѣщено извѣстное изображеніе поэта верхомъ на лошади, въ бурѣ и въ круглой шляпѣ, съ пикой наперевѣсъ; видъ восточнаго города съ подписью «Арзрумъ, взятый помощью Божіей и молитвами Екатерины Николаевны 27-го іюня 1829 г. отъ Р. Хр.». Въ этомъ же альбомѣ Пушкинымъ собственноручно написаны имена женщинъ, которыми онъ увлекался: списокъ заключается «Екатериной IV» (Екат. Ушакова), «Анной» (А. А. Оленина) и, наконецъ, «Наталіей» (Гончарова) ¹⁾.

XI* «О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 г.».

Содержаніе этой статьи—записка декабриста Мих. Ив. Пущина о встрѣчѣ съ Пушкинымъ за Кавказомъ въ 1829 г.

Мих. Ив. Пущинъ; бывшій командиромъ лейбъ-гвардейскаго конно-піонернаго батальона, за дѣло 14 дек. былъ сосланъ въ Сибирь, но вскорѣ переведенъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ и принималъ участіе въ персидской и турецкой кампаніяхъ въ 1827—29 гг.,

¹⁾ Этотъ списокъ воспроизведенъ въ альбомѣ Московской пушкинской выставки 1880 г.

скорѣе, какъ генераль, чѣмъ какъ простой солдатъ, какимъ онъ собственно былъ послѣ разжалованія. Мих. Пущинъ, вѣроятно, былъ знакомъ съ поэтомъ еще по Петербургу въ 1817—20 гг. и на Кавказѣ, среди боевой жизни, это знакомство еще усилилось.

Пущинъ оставилъ собственноручную записку о пребываніи Пушкина на Кавказѣ, которая и напечатана у Майкова. Пущинъ свидѣтельствуеъ о воинственномъ энтузіазмѣ поэта, котораго, впрочемъ, ему по обстоятельствамъ дѣла не пришлось проявить, а также о его столь сильной страсти къ карточной игрѣ, что автору пришлось взять съ Пушкина слово, что онъ не будетъ играть во время совмѣстнаго ихъ возвращенія съ Кавказа съ третьимъ ихъ спутникомъ, офицеромъ Дороховымъ.

Этимъ собственно и ограничивается характеристика поэта.

ХII. «Наталья Кирилловна Загряжская».

Очень живо набросанный эскизъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ представительницъ «большого свѣта» конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго вѣковъ. Впрочемъ, такое опредѣленіе неточно: Загряжская прожила 90 лѣтъ (род. 1747 г., ум. 1837 г.) и пережила 6 царствованій, все время принимая самое живое участіе въ придворной жизни. Къ Пушкину она имѣетъ отношеніе по тѣмъ историческимъ анекдотамъ, которые записаны имъ подъ рубрикой: «Разговоры Н. К. Загряжской». Поэтъ сначала посѣщаль этотъ обломокъ 18-го вѣка вѣроятно въ качествѣ будущаго родственника (Нат. Н. Гончарова доводилась ей племянницей), а потомъ, привлекаемый ею, какъ живымъ историческимъ памятникомъ.

ХIII* «Пушкинъ и Даль» (Казакъ Луганскій).

Знакомство Пушкина съ Далемъ было кратковременно. Встрѣчи ихъ ограничивались началомъ 32-го года и послѣдними днями передъ кончиной поэта. Еще видѣлись они въ теченіе 5-ти дней въ 1833-мъ году, когда Пушкинъ предпринялъ путешествіе въ восточную Россію для осмотра мѣстностей, гдѣ происходилъ Пугачевскій бунтъ. Несмотря на непостоянность сношеній Пушкина съ Далемъ, послѣдній сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе и, 7 лѣтъ спустя послѣ его смерти, написалъ рассказъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. По этой рукописи, принадлежавшей Анненкову, и печатаетъ Майковъ «Воспоминанія о Пушкинѣ» Дала, болѣе извѣстнаго

подъ псевдонимомъ казака Луганскаго. Воспоминанія относятся къ посѣщенію Пушкинымъ Оренбурга для собиранія историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ. Пушкинъ и Даль ѣздили изъ Оренбурга въ станицу Берды, бывшую резиденцію Пугачева, гдѣ они нашли 75-лѣтнюю казачку, которая передавала имъ свои воспоминанія и пѣла пугачевскія пѣсни. Пушкинъ далъ ей червонецъ, что въ связи съ длинными его ногтями произвело не малое смятеніе среди мѣстнаго населенія. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ и пѣсенъ вошли въ «Исторію Пугачевского бунта» и въ «Капитанскую дочку». Пушкинъ и Даль оба весьма интересовались народнымъ языкомъ и бытомъ, записывали изъ устъ народа пѣсни и сказки и плоды этихъ наблюденій вносили въ свои произведенія. Это—ихъ общая черта, это ихъ и сблизило. И тому и другому пришлось выслушать не мало укоровъ за свои новшества отъ литературныхъ старовѣровъ.

Интересны строки воспоминаній, касающіяся взгляда Пушкина на свою молодость: ...«Вы не знали меня въ молодости, каковъ я былъ; я не такъ жилъ, какъ жить бы должно; бурный небосклонъ позади меня, какъ оглянусь я»... Эти слова указываютъ, насколько хорошо самъ Пушкинъ сознавалъ, что много ему было дано, но мало еще сдѣлано. «О, вы увидите, я много еще сдѣлаю!» сказалъ онъ Далю.

Къ книгѣ Майкова приложенъ указатель именъ.

Какъ можно видѣть изъ этого краткаго обзора содержанія книги, Л. Майковъ своимъ сочиненіемъ значительно обогатилъ нашу историко-біографическую литературу о Пушкинѣ. Многіе неизданные матеріалы, имѣющіе то или иное значеніе для возможно полнаго нашего представленія о жизни и произведеніяхъ поэта, впервые нашли себѣ мѣсто въ печати. Среди всей пушкинской литературы, ознаменовавшей столѣтіе рожденія великаго поэта, книгѣ Майкова—безспорно, принадлежитъ первое мѣсто.

Къ біографіи Пушкина.—Матеріалы изъ архивовъ и др. малоизвѣстныхъ источниковъ.—Н. Невзорова.

Здѣсь помѣщены: Копія съ брачнаго обыска, метрическая копія о смерти Пушкина, выдержки изъ современной печати по поводу смерти Пушкина, копія съ дѣла по прошенію вдовы поэта о выдачѣ ей метрическаго, свидѣтельства о рожденіи дѣтей. Въ особенности

любопытны письма митрополита Филарета, выражающія его взглядъ на поединки и на погребеніе самоубійць. Извѣстно, что тогдашній петербургскій митрополитъ Серафимъ отказался «съ почестью» похоронить тѣло поэта. Въ pendant къ этимъ воззрѣніямъ интересно вспомнить аналогичный взглядъ современнаго пермскаго духовенства на чествованіе памяти Пушкина.

Автографы рукописей Пушкина. — Изд. журн. «Истор. Вѣстникъ».

Въ этомъ изданіи помѣщены автографы А. С. П. изъ собранія таковыхъ П. Я. Дашкова. Эти автографы были уже не разъ напечатаны въ отрывкахъ и потому настоящее изданіе не представляетъ изъ себя новинки: здѣсь помѣщены тѣ же автографы, но только въ болѣе полномъ видѣ: 1) письмо Пушкина къ А. И. Тургеневу отъ 1-го декабря 1823 г. съ одой на смерть Наполеона и стихотвореніемъ «Свободы сѣятель пустынный»; 2) отрывокъ изъ первой главы «Путешествіе въ Арзрумъ»; 3) стихотвореніе «Я помню чудное мгновенье»... Въ особенности любопытенъ 2-й автографъ съ помѣтками неизвѣстнаго цензора (Николая I?) и подписью карандашемъ: Позволено. Бенкендорфъ. Всѣ автографы воспроизведены очень хорошо. Кромѣ того приложено нѣсколько портретовъ Пушкина и рисунковъ, относящихся къ Пушкину (уже извѣстныхъ), а также facsimile извѣщенія жены поэта о его кончинѣ, двухъ объявленій въ газетахъ о панихидахъ по Пушкинѣ 29 января 1837 г. и замѣтки о кончинѣ Пушкина, напечатанной 30 января 1837 г. въ «Литерат. Прибавл.» къ «Русскому Инв.».

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. — Подлинное военносудное дѣло 1837 г.

Эта объемистая брошюра, перепечатанная съ подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ военнаго министерства, главнаго военносуднаго управленія и Александровскаго лицея ¹⁾, заключаетъ въ себѣ всѣ документы, касающіеся несчастной дуэли и ея юридическихъ послѣдствій для участниковъ. Нѣкоторые изъ находящихся тутъ документовъ были уже опубликованы въ различныхъ журна-

¹⁾ См. Описаніе Пушкин. музея Имп. Александр. Лицея, стр. 10.

лахъ и отдѣльныхъ книгахъ, частью въ пересказахъ, частью въ подлинникѣ, но въ полномъ объемѣ это «дѣло» до сихъ поръ оставалось неизвѣстнымъ. Кромѣ того въ немъ находятся и совершенно новые матеріалы, а именно новое письмо Пушкина (стр. 50), показанія Данзаса, секунданта Пушкина, и князя Вяземскаго, который имѣлъ у себя письмо секунданта Дантеса, виконта Даршиака съ изложеніемъ хода дуэли. Приведены здѣсь и законы о поединкахъ, согласно которымъ судъ приговорилъ Дантеса, Данзаса и Даршиака къ повѣшенію и мертвѣго Пушкина къ повѣшенію за ноги. Извѣстно, что пострадалъ одинъ Данзасъ (просидѣлъ два мѣсяца въ крѣпости), Даршиакъ добровольно выбылъ за границу, а Дантесъ былъ высланъ. О Пушкинѣ же дѣло за смертью было прекращено.

Въ приложеніи помѣщены автографы кн. П. А. Вяземскаго, Даршиака и обоихъ бар. Геккереновъ ¹⁾.

*Цѣнная находка.—Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина.—
Сообщены Сапожниковымъ.*

Эта «цѣнная находка» не оказывается таковой при ближайшемъ ознакомленіи съ нею. Новаго она ничего не даетъ въ сравненіи съ уже напечатаннымъ и, очевидно, что эти бумаги имѣлъ въ своихъ рукахъ Анненковъ при изданіи въ 1855 г. своихъ «Матеріаловъ». Въ «цѣнной находкѣ» помѣщено въ качествѣ новаго «Вѣнчанье Шутовскаго» («Вчера въ торжественномъ вѣнчаньи творца затѣй...»), но у Анненкова въ вышеуказанномъ сочиненіи находимъ слѣдующее, «Отсюда начинается посланіе къ извѣстному драматическому писателю нашему, которое не приводимъ и за слабость стиховъ и за рѣзкость нѣкоторыхъ упрековъ: вотъ нѣсколько выписокъ»... и затѣмъ идутъ первая и третья строфы этого посланія. У Сапожникова, правда, оно помѣщено цѣликомъ (9 строфъ), но, несомнѣнно, оно было извѣстно и Анненкову. Куплеты на лицейскихъ преподавателей, приводимые Сапожниковымъ, также отчасти напечатаны у Анненкова. Всѣ же они не были помѣщены вслѣдствіе ихъ безсвязности и незначительности. Кромѣ того, «большой вопросъ, принадлежатъ ли они Пушкину? Весьма вѣроятно предположить, что въ

¹⁾ Подробное изслѣдованіе „дѣла“ и обстоятельствъ дуэли напечатано въ Истор. В. „Дуэль Пушкина“ Б. В. Никольскаго, кн. XI—XII 1899 г.

ихъ составленіи участвовали и другіе лицеисты. Дѣйствительно, новымъ являются двѣ эпиграммы на того же Шаховского («Нашъ комикъ Шутовской»... «На замѣчанье Фебъ даетъ»...) и на Шаховского, Шихматова и Шишкова («Угрюмыхъ тройка...»).

Пушкинъ.—Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—Гастфрейндъ.

Брошюра. Гастфрейнда не даетъ ничего новаго, существенно важнаго для біографіи поэта. Составитель приводитъ перечисленіе и текстъ различныхъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ государственной службѣ Пушкина въ коллегіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ 31 по 37 г. Документы касаются отпусковъ, которые бралъ поэтъ, выдачи казенной субсидіи на печатаніе «Исторіи Пугачевскаго бунта», производства въ чины и, отчасти, увольненія Пушкина отъ службы и выдачи прогонувъ въ 1824 г. Часть этихъ матеріаловъ въ подлинникѣ и въ пересказахъ была помѣщена ранѣе у Я. Грота «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Гаевского «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время» (Отеч. Зап., т. 139), Л. Поливанова «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи» (Р. Стар., т. 53). Изъ дѣлъ, не относящихся къ службѣ Пушкина помѣщено «дѣло объ усыновленіи нидерландскимъ посланникомъ барономъ Геккереномъ поручика Кавалергардскаго полка барона Дантеса» и «дѣло» о передачѣ писемъ Пушкина къ барону Геккерену, вытребованныхъ у послѣдняго при разборѣ дѣла о дуэли. «Къ сожалѣнію, самыя письма не сохранились» говоритъ составитель (стр. 8).

Къ свѣдѣнію г. Гастфрейнда можемъ сообщить, что они въ подлинникѣ (фр.) и въ переводѣ напечатаны въ брошюрѣ, составленной фонъ-Кауфманомъ «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло».

Въ общемъ, если всѣ эти документы и не прибавляютъ ни одной новой черты къ духовному облику поэта, все же ихъ изданіе имѣетъ свой *raison d'être* согласно мнѣнію самого составителя, что «ничего не должно быть малозначущимъ, когда идетъ рѣчь о Пушкинѣ». Снимки съ автографовъ Пушкина и со свидѣтельства объ окончаніи имъ курса въ лицей воспроизведены прекрасно.

Описание Пушкинского музея Имп. Александровскаго Лицея.— Составили воспитанники Аснатъ и Ягнтовъ подъ ред. завѣд. Пушкинскимъ музеемъ проф. И. А. Шляпкина.

19 октября 1861 г., на юбилейномъ праздникѣ лицея, впервые возникла мысль объ основаніи при лицее, въ которомъ воспитывался Пушкинъ и гдѣ были написаны первыя его стихотворенія (не считая дѣтскихъ) специальной Пушкинской библіотеки. Но только черезъ 20 лѣтъ этой мысли суждено было осуществиться. Лицейскимъ начальствомъ было составлено воззваніе ко всѣмъ лицамъ (бывшимъ и настоящимъ) съ просьбою содѣйствовать возникновенію «нерукотворнаго памятника» великому поэту въ видѣ музея его имени, въ который должно было войти все, имѣющее отношеніе къ Пушкину: 1) отдѣльныя изданія сочиненій поэта, 2) всѣ сборники, альманахи, періодическія изданія, въ которыхъ были помѣщены произведенія Пушкина, 3) отдѣльныя сочиненія о Пушкинѣ, его біографіи, разборъ произведеній, портреты, картины съ сюжетами изъ жизни Пушкина, вещи поэта и т. п. Судя по находящемуся передъ нами «описанію», лицеемъ удалось собрать массу интереснаго матеріала (иногда очень рѣдкаго) и, такимъ образомъ, къ 1-му апрѣля 1899 г. въ инвентарѣ музея значится 2254 №№. Весь матеріалъ раздѣленъ на 10 отдѣловъ:

I. Автографы, факсимиле, старинныя копіи писемъ и сочиненій Пушкина, его рисунки, документы и письма къ нему и о немъ.

Здѣсь замѣчательны: письмо къ Гончаровой, къ Ишимовой (писанное въ день дуэли), вексель поэта Лисенкову, архивныя лицейскіе документы, касающіеся Пушкина-лицеиста, Высочайшій приказъ о разжалованіи Дантеса въ рядовые, а всего 19 №№.

II отдѣлъ—вещи и предметы, принадлежавшіе Пушкину. Бюсты и модели памятниковъ поэта. Предметы, ему посвященные: золотой перстень Пушкина, медальонъ съ волосами Пушкина, палка его, пуля (запасная), посмертная гипсовая маска, а всего 23 №№. Затѣмъ идутъ портреты А. С. Пушкина и его родныхъ, друзей и близкихъ, сцены изъ жизни поэта, виды мѣстностей, гдѣ жилъ Пушкинъ, рисунки къ его сочиненіямъ. IV—X отдѣлы—библіографическіе: со-

чиненія самого Пушкина, сочиненія о Пушкинѣ, музыкальныя произведенія, переводы на иностранныя языки, свѣдѣнія о лицѣхъ и лицахъ времени Пушкина и т. д. Одно перечисленіе всего этого богатства занимаетъ 500 стр. Имѣются такія рѣдкія вещи, какъ Гавриліада (en vente chez tous les principaux libraires. 1889), № 13, В. Евр. за 1814 г. и др.

Изданъ каталогъ прекрасно: свѣдѣнія объ имѣющихся предметахъ даны точныя и подробныя, весь матеріалъ прекрасно разработанъ, приложено множество автографовъ и рисунковъ, изъ которыхъ нѣкоторые воспроизводятся впервые (Молодой царень съ боченкомъ и собака).

Есть и маленькія погрѣшности (напр., о сочиненіи въ стихахъ персидскаго поэта Мирзы Фахтъ-Али-Ахундова «На смерть Пушкина» сказано, во-первыхъ, что это поэтъ современный, что мало вѣроятно, ибо онъ былъ немного моложе Пушкина, а во-вторыхъ, что это стихотвореніе—вырѣзка изъ журнала, но не указано, что изъ «Московского Наблюдателя» XI, 1837 г.), но въ общемъ, всему русскому обществу надо горячо благодарить всѣхъ тѣхъ, кто потрудился, какъ для созданія музея, такъ и для выпуска въ свѣтъ настоящаго «описанія».

*Пушкинскій сборникъ Библиотека Дѣтскаго чтенія. Подъ ред.
Д. И. Тихомирова.*

Содержаніе этого сборника распадается на выдержки изъ произведеній самого Пушкина и на статьи и стихи о Пушкинѣ.

О выборѣ произведеній самого Пушкина можно сказать только, что составитель, очевидно, руководился мыслью дать все болѣе значительное по объему, вслѣдствіе чего сборникъ оказался наполненнымъ отрывками: нѣтъ ни одного крупнаго цѣльнаго произведенія, а между тѣмъ такія вещи, какъ «Мѣдный Всадникъ», «Галубъ» могли бы быть помѣщены in corpore. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе полное отсутствіе сказокъ и вообще народнаго элемента и на ряду съ этимъ помѣщеніе стихотворенія «Къ морю», которое по своему байроническому характеру и отвлеченнымъ образамъ едва ли подходитъ къ дѣтскому разумѣнію.

На второй части сборника стоить остановиться поподробнѣе.

Самой значительной по объему статьей является «Дѣтство и юность Пушкина» Б. Б. Глинскаго. Статья составлена отчасти по воспоминаніямъ И. И. Пущина, отчасти по официальнымъ даннымъ лица и страдаетъ (какъ и весь, впрочемъ, сборникъ) отсутствіемъ всякихъ поясненій къ событіямъ и именамъ, упоминаемымъ здѣсь. Такъ, напр., приведемъ отрывокъ изъ извѣстнаго «Городокъ»; въ немъ упоминается

„Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ“...

и далѣе:

„Скажу-ль? Отецъ Кандида?
Онъ все вездѣ великъ“.

но чей это сынъ и отецъ, для юнаго читателя такъ и остается неизвѣстнымъ. Далѣе:

„Читаль охотно Елисей,
А Цицерона не читаль“.

Имя «Елисей» также можетъ ввести въ заблужденіе.

Засимъ, авторъ указываетъ (стр. 143), что въ родѣ Пушкина переливаются 3 крови: германская, африканская и восточно-славянская. Такое сопоставленіе нельзя назвать правильнымъ. Хотя самъ Пушкинъ и указываетъ (это подтверждается и старинными родословными), что родъ его ведетъ начало отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, но изъ этого еще нельзя выводить заключеніе о присутствіи въ его крови германскаго элемента: слово Радша одинаково необъяснимо ни изъ нѣмецкаго, ни изъ литовскаго, ни славянскихъ языковъ ¹⁾ и такое прозвище могло одинаково принадлежать представителю любой изъ этихъ народностей. Указаніе родословной—«изъ нѣмецъ» также ничего не доказываетъ, ибо нѣмцами въ старину назывались всѣ западные сосѣди Россіи. Но и при допущеніи возможности присутствія въ Пушкинѣ германской крови, нельзя сопоставлять этотъ ингредиентъ съ африканскимъ и славянскимъ: несомнѣнно, онъ, по отдаленности предка, занималъ очень слабое мѣсто въ природѣ поэта. Тогда съ такимъ же основаніемъ можно говорить и о присутствіи въ крови поэта греческаго и романскаго элемен-

¹⁾ А. С. Пушкинъ Антропологическій эскизъ Аувича. Р. Вѣд. № 106.

товъ; предокъ отдаленнаго родственника Пушкина, Головина, былъ грекъ (Степанъ Ховра), а бабка поэта, Ол. Вас. Чичерина вела свой родъ отъ итальянца Аѳ. Чичери ¹⁾. Самое изложеніе страдаетъ слабостью литературнаго языка: «Чтобы отдѣлаться отъ позора освистанія, онъ тутъ же сочинилъ на себя эпиграмму» (стр. 150). «Мусульмане по ученію Корана своего пророка...»—выходить такъ, какъ будто бы коравъ (онъ и написалъ съ большой буквы) былъ мусульманскимъ пророкомъ.

Укажемъ еще на нѣкоторыя неточности. Въ цитатѣ изъ «Посланія Галичу» (стр. 176) испорченъ текстъ:

„И рубку разжигаютъ
Безрифнемемъ личимъ“.

вмѣсто Безрифминимъ. Дядька Леонтій Кемерскій названъ Клинерскимъ (стр. 160), профессоръ Гауэншильдъ-Гаусишельдомъ (стр. 162).

Двѣ статьи Авенарюса и Соловьева-Несмѣлова въ беллетристической формѣ описываютъ пребываніе поэта въ Михайловскомъ. Между прочимъ, въ первой статьѣ Пушкинъ и Пущинъ пьютъ за «Царя и Русь!». Странная фантазія автора приписать друзьямъ такой гостъ въ началѣ 1825 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до событія 14-го дек., въ которомъ Пущинъ принималъ такое дѣятельное участіе.

Среди мелкихъ вещей надо отмѣтить рубрику «Смѣхъ—не грѣхъ», подъ которой приведены такіе рассказы, какъ посѣщеніе Пушкинымъ Катенина, рассказъ Арины Родионовны «У лукоморья стоитъ дубъ...» и переложеніе «У лукоморья дубъ зеленый...» и т. д. Что же тутъ смѣшного?

Вообще, сборникъ составленъ безъ достаточной внимательности, хотя по бѣдности нашей дѣтской литературы, и его можно считать полезнымъ вкладомъ въ нее.

Въ заключеніе, нельзя не замѣтить, что всѣ сноски перепутаны (напр., къ слову «шведскій паладинъ» въ сноскѣ объясненіе «Наполеонъ»), а рисунки мало удачны.

¹⁾ Ibidem.

- *Сборникъ Пушкину. Изд. Кіевскаго Педагогическаго Общества.*

Сборникъ состоитъ изъ двухъ частей: первая посвящена подробной біографіи поэта, а вторая—различнымъ статьямъ, имѣющимъ къ нему отношеніе.

Сборникъ открывается статьей Лободы «У колыбели Пушкина», въ сжатой формѣ излагающей ходъ нашей литературы съ половины XVIII-го вѣка до Пушкина. Между прочимъ, авторъ говоритъ о Новиковѣ: «Какъ и ранѣе, такъ и ставъ масономъ, Новиковъ не отрицалъ просвѣщенія». «Не отрицалъ» слишкомъ слабое выраженіе для характеристики просвѣтительной дѣятельности Николая Ивановича.

Біографія Пушкина, составленная Кудрявцевымъ, даетъ мало свѣдѣній о жизни Пушкина, но подробно разсматриваетъ связь между нѣкоторыми фактами жизни поэта и его произведеніями. Авторъ, по видимости, пользуется главнымъ образомъ трудами Пыпина и Тихонравова. Біографическое же значеніе имѣютъ и двѣ послѣдующія статьи «Пушкинъ на югѣ Россіи» Булашева и «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ» Рыбинскаго. Вообще, біографіи поэта въ сборникѣ удѣлено слишкомъ много мѣста въ ущербъ остальному содержанію. Въ біографіяхъ встрѣчаются неточности: такъ, Булашевъ полагаетъ (вслѣдъ за Бартевымъ), что балерина Истомина была родомъ черкешенка и это, будто бы, подало мысль Пушкину сдѣлать героиню «Кавказскаго плѣнника» черкешенкой. Это—неправильно. Дѣло было какъ разъ наоборотъ: 15 янв. 1823 г. шель въ Петербургѣ новый балетъ Дидло «Кавказскій плѣнникъ или тѣнь невѣсты» на сюжетъ Пушкина. Черкешенку танцевала Истомина. Отсюда слова Пушкина въ письмѣ къ брату (Кишиневъ, 30 янв. 1823 г.): «Пиши мнѣ о Дидло, о черкешенкѣ Истоминой». Встрѣчаются и другія мелкія неточности. Изъ статей обращаютъ на себя вниманіе по меньшей шаблонности темы «Отношеніе поэзіи Пушкина къ украинской жизни и поэзіи», Петрова и «Религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина» свящ. Троицкаго. Петровъ указываетъ, что въ пушкинской поэзіи есть и украинскіе элементы: стоитъ только вспомнить «Полтаву». Поэтъ наѣзжалъ въ Каменку и Кіевъ и непосредственное вліяніе «матери городовъ русскихъ» отразилось въ «Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ» и «Гусарѣ». Лирика Пушкина не осталась

безъ вліянія и на современныхъ ему и послѣдующихъ малороссійскихъ поэтовъ: Маркевичъ, Гребенка, Шевченко, Гетьманецъ, Квитка-Основьянко—всѣ они послѣдователи Пушкина. Мы не говоримъ о вліяніи Пушкина на Гоголя, такъ какъ послѣдній писалъ не на малороссійскомъ нарѣччі.

«Религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина» — тема новая и совсѣмъ почти не разработанная. Если не ошибаемся, этому вопросу удѣлено во всей юбилейной литературѣ всего двѣ статьи (считая и настоящую). Нельзя сказать, чтобы авторъ справился съ своей задачей: отчасти ему не хватаетъ объективности при оцѣнкѣ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ колебаній поэта, отчасти полнотѣ изслѣдованія мѣшаетъ невозможность затронуть нѣкоторые вопросы и произведенія Пушкина, имѣющія отношеніе къ разбираемой темѣ. Мы не будемъ касаться сужденій автора о правахъ Пушкина на прощеніе грѣховъ своихъ, укажемъ лишь тѣ сужденія, которыя высказываетъ авторъ по поводу тѣхъ или иныхъ произведеній. Лицейскіе стихи производятъ благопріятное впечатлѣніе на Троицкаго, но дальнѣйшее творчество до 1824 года представляется ему «мутнымъ». Единственное исключеніе онъ дѣлаетъ для кишиневскихъ историческихъ замѣтокъ поэта: «Съ пріятнымъ чувствомъ читаемъ слѣдующее историческое замѣчаніе:» Екатерина явно гнала духовенство, угождая духу времени. Но лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному... Въ Россіи вліяніе духовенства было благотворно... Мы обязаны монахамъ нашу исторію, слѣдственно и просвѣщеніемъ». Съ 1824 года начинается медленное, но постепенное религіозное возрожденіе Пушкина. Онъ читаетъ библію, пишетъ «Пѣснь пѣсень», «Пророкъ», «Ангель», «Монастырь на Казбекѣ», «Галубъ», «Къ Распятію» и мн. др. Впрочемъ, Троицкій ригористически относится къ нѣкоторымъ изъ этихъ произведеній: такъ отмѣчая незначительныя (чисто внѣшнія, впрочемъ) измѣненія библейскаго текста въ «Пророкъ», авторъ говоритъ, что съ строго религіозной точки зрѣнія это недопустимо.

Въ одѣ «къ Н. (иколаю)» образъ Моисея спускающагося съ горы со скрижалями—неумѣстенъ, а также и сопоставленіе библіи съ

Илиадой. «Мадонна» неприятно волнует наше религиозное чувство.» Авторъ приписываетъ Пушкину предсмертное стихотвореніе:

„Чудный сонъ мнѣ Богъ послать:
Въ рпзѣ бѣлой предо мною
Старець нѣкій предстоялъ
Съ длинной, бѣлой бородою
И меня благословлялъ“ и т. д.

всего 9 строфъ. Ни въ одномъ собраніи сочиненій такого стихотворенія нѣтъ. По формѣ оно тоже едва ли можетъ принадлежать Пушкину, напр., послѣдняя строфа его читается такъ:

„Казни вѣчныя страпуса,
Милосердія надѣюсь.
Успокой меня, Творецъ!
Но твоя да будетъ воля,
Не моя... Кто тамъ пдетъ?“

Пушкину же приписано и стихотвореніе (вѣроятно) Глинки переложеніе «Отче нашъ»:

„Я слыпшалъ въ келіи простой
Старпкъ молитвою чудесной
Молился тихо предо мной:
Отецъ людей, отецъ небесный!“ и т. д.

Очевидно, автору статьи не хватаетъ историко-литературной подготовки и подробнаго знакомства съ твореніями Пушкина.

«Пушкинъ, какъ литературный дѣятель» Сеницкаго не прибавляетъ ничего новаго къ уже много разъ высказаннымъ взглядамъ. Отмѣтимъ только нѣкоторые промахи: «Выработавъ себѣ сознаніе о независимости свободнаго творчества, говоритъ Сеницкій, Пушкинъ не обращаетъ никакого вниманія на сужденія о его направленіи въ поэзіи и на сужденія о тѣхъ произведеніяхъ, которыя явились, какъ плодъ вдохновенія...» и приводитъ цитату:

„Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной: •
Но ты оставься твердъ, спокоенъ и угрюмъ“.

(Поэту).

Извѣстно, что Пушкинъ очень плохо соблюдалъ свой собственный совѣтъ и не оставался ни твердымъ, ни спокойнымъ передъ на-

падками критики. Устарѣвшимъ представляется намъ мнѣніе автора, что стихъ давался поэту легко:

„Перо по книжкѣ бродило
Безъ всякаго труда“.

Наоборотъ, Пушкинъ много употреблялъ времени и старанія на обработку своихъ произведеній (не считая, конечно, многочисленныхъ экспромтовъ). Даже тѣ стихи, которые авторъ самъ называетъ «небрежными строками»:

• „И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ Вашъ альбомъ“.

(Елизавет. Ушаковой).

по свидѣтельству его черновыхъ тетрадей стоили ему значительнаго труда.

Неправильна характеристика Алеко: «Въ «Цыганахъ» мы видимъ человѣка съ жаждою свободы. *Научныя знанія* пробудили въ немъ недовольство жизнью...» (стр. 250). Откуда автору извѣстно о научныхъ знаніяхъ Алеко? Его знанія, вѣроятно, не превосходили научнаго багажа Онѣгина, и ихъ никакъ нельзя назвать научными. Двѣ послѣднія статьи «Пушкинъ и его музыкальные истолкователи» и «Пушкинъ у славянъ» Степовича не вносятъ ничего новаго въ сравненіи съ сочиненіями на аналогичные сюжеты, разобранные выше. Имѣется еще статья Рыбинскаго «Пушкинская плеяда», гдѣ помѣщены краткія біографіи и обзоръ отношеній къ Пушкину трехъ его сверстниковъ: Дельвига, Языкова и Баратынскаго.

Въ общемъ, сборникъ составленъ не особенно удачно: мало разнообразія, біографическій матеріалъ (314 страницъ) подавляетъ остальное (133 стр.). Два раза повторяется одна и та же тема: «Пушкинъ на югѣ Россіи» Кудрявцева и «Пушкинъ на югѣ Россіи» Булашева, «Пушкинъ въ Михайловскомъ» Кудрявцева и «Пушкинъ въ Михайловскомъ» Рыбинскаго. Для «большой» публики это, пожалуй, и удручительно.

Къ сборнику приложено 87 рисунковъ и портретовъ малаго формата.

*«Памяти Пушкина». Юбилейный сборникъ. Изданіе редакціи
журнала «Жизнь».*

Очень интересный сборникъ «Жизни» состоитъ изъ 10 статей, посвященныхъ поэту. Наибольше значительной и интересной статьёй

представляется первая: «А. С. Пушкинъ, какъ художественный гений» проф. Овсянко-Куликовского. Этотъ вопросъ (гениальность поэта) авторъ пытается разрѣшить при помощи идеи экономіи умственного труда. «Все общее и обобщающее, все отвлеченное, начиная съ элементарныхъ понятій и кончая высшими обобщеніями науки и философіи экономизируетъ умственную силу, не позволяя ей растрачиваться по частямъ... Поэтому обобщающіе процессы мысли могутъ быть по праву названы аккумуляторами умственной энергіи, центральными источниками силы умственного свѣта, откуда лучи мысли свѣтятъ въ разныя стороны». Затѣмъ авторъ приводитъ характерные примѣры этой «экономизаціи умственной силы» въ произведеніяхъ Пушкина: сужденіе о «Горе отъ ума», формула байроническаго протеста противъ «неволи» и неправды цивилизованнаго общества («О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала»... Изъ «Цыгане») психологическая формула скупости и связанныхъ съ ней темныхъ душевныхъ движеній:

„Что не подвластно мнѣ? Какъ нѣкій демонъ.
Отселѣ править міромъ я могу“...
„Мнѣ все послушно, я же ничему“.....
„Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь свою; съ меня довольно
Сего сознанья“...

(Скупой рыцарь).

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробнѣе остановиться на талантливой статьѣ профессора, однако не можемъ не указать на слишкомъ строгій приговоръ автора надъ первыми поэмами Пушкина (Русл. и Людм., Кав. Пл., Бр.-разб., Бахч. Ф.), какъ надъ «чѣмъ то очень далекимъ, отжившимъ, любопытными памятниками младенчества нашей литературы (стр. 12).» «При всемъ томъ, однако поэма (Цыгане) читается не только безъ скуки и несходительной улыбки, но (!) съ неослабѣвающей заинтересованностью» (15 стр.), которую, однако, авторъ отличаетъ отъ настоящаго интереса. Это, пожалуй, похвала небольшая!

Вторая крупная статья—«А. С. Пушкинъ въ потомствѣ» принадлежитъ перу Евгенія Соловьева. Авторъ разбираетъ всѣ критическіе отзывы, существующіе о Пушкинѣ, и приходитъ къ заключенію,

что наиболее правильный и ценный принадлежит Чернышевскому. Из новых критиков автор разбирает брошюру своего однофамильца, Владимира Соловьева, «Судьба Пушкина» и горячо нападает на «инквизиционный допрос» послѣдняго. Совсѣмъ несправедливы упреки автора акад. Анучину за его статью о генеалогіи Пушкина (Р. Вѣд.). Евгений Соловьевъ предлагает Анучину въ расчетъ процентнаго отношенія крови различныхъ національностей въ крови Пушкина «употреблять десятичные доли, избѣгая періодическихъ и, въ особенности, смѣшанно - періодическихъ» и т. д. Умѣстенъ ли подобный тонъ въ серьезной статьѣ?

А. Н. Веселовскій въ своей статьѣ «Пушкинъ и европейская поэзія» еще разъ указываетъ намъ на извѣстную начитанность поэта въ западной (главн. обр. французской) литературѣ: не только выдающіяся имена, но даже и второстепенные ея дѣятели были ему извѣстны. Отмѣчается нѣсколько одностороннее вліяніе Вольтера на музу Пушкина: поэтъ заимствовалъ у Вольтера лишь блескъ, остроуміе, веселую насмѣшку, не касаясь великаго освобождающаго его вліянія на умы (стр. 3). Первый серьезный фактъ въ исторіи поэтическихъ заимствованій Пушкина—вліяніе Шенье и Шатобриана. Изъ англійскихъ поэтовъ въ его творествѣ отразились мотивы Байрона, Шекспира, Мольера, Мильтона, Мура, Стерна. Впослѣдствіи онъ ознакомился и съ «озерными» поэтами. Не прошелъ безслѣдно и Мицкевичъ и Гете. Данте и Пиндемонте были хорошо извѣстны ему. Словомъ, поэзія всего міра отразилась, какъ въ тихомъ озерѣ, въ свѣтлой поэзіи Пушкина.

Слѣдующая статья посвящена выясненію значенія Пушкина въ русской музыкѣ. По этому вопросу въ пушкинской современной литературѣ намъ извѣстны 6 изслѣдованій (Иванова, Ероценко, Турьгиной, Энгеля, Степовича и настоящей). Изслѣдованіе Кашкина занимаетъ между ними среднее мѣсто: авторъ справедливо указываетъ на вліяніе мелодическихъ пушкинскихъ стиховъ и художественнаго ихъ реализма на произведенія (музыкальныя) Глинки, но этой ценной догадкой и ограничивается достоинство статьи; объ отношеніи самого Пушкина къ музыкѣ авторъ говоритъ только, что «поэтъ былъ къ ней глубоко равнодушенъ» (что не совсѣмъ вѣрно, какъ видно изъ одесскихъ писемъ Пушкина), а перечисленіе оперъ на текстъ Пушкина не полно.

Къ достоинствамъ статьи надо отнести еще ея краткость.

Изъ остальныхъ статей обращаютъ на себя внимание: «Къ вопросу о значеніи Пушкина въ исторіи русскаго литературнаго языка» Н. П. Некрасова и «Поэзія Пушкина и русское пластическое искусство» Н. Н. Ге. Напрасно только авторъ первой статьи полагаетъ, что стихи изъ Евг. Он.:

„Какъ усть румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю“.

надо понимать такъ, что Пушкинъ «даже любилъ грамматическія ошибки», не противныя духу языка (стр. 214).

Вторая статья затрогиваетъ вопросъ, доселѣ еще никѣмъ не разработанный, а именно о значеніи Пушкина для національной живописи и архитектуры. Послѣдней, впрочемъ, удѣлено всего 5 строкъ.

Имѣются еще статьи «О дружбѣ Пушкина и Мицкевича» М. Славинскаго (въ которой, между прочимъ, встрѣчается такое странное мнѣніе: «Неодобрительный тонъ стихотворенія («Петербургъ» Мицкевича) по отношенію къ великому русскому реформатору необыкновенно гармонируетъ съ извѣстными всѣмъ взглядами Пушкина на всю дѣятельность Петра Великаго...») и «Смерть въ поэзіи Пушкина» Изгоева.

Къ сборнику приложенъ переводъ некролога Пушкина, напечатаннаго Мицкевичемъ въ «Globe» 25 мая 1837 г.

«*Пушкинскій сборникъ*». Изданіе петербургскихъ литераторовъ подъ ред. Гнѣдича, Мордовцева и Случевского.

Объемистый сборникъ (675 стр.) раздѣляется на поэзію и прозу. Большая часть той и другой не имѣетъ отношенія къ Пушкину и потому мы на ней останавливаться не будемъ; скажемъ только, что здѣсь помѣщены произведенія такихъ авторовъ, какъ Чеховъ, Баранцевичъ, Боборыкинъ, Потапенко и мн. др.

Наиболѣе цѣнной частью сборника является ненапечатанное до сихъ поръ письмо Пушкина къ Н. А. Дуровой, относящееся, судя по содержанію, къ концу іюня 1836 г. Письмо доставлено г. Сергѣенко и заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на извѣстное письмо Дуровой

(соч. Пушкина, изд. Лит. Ф. т. VII, стр. 408) съ просьбой или поторопиться печатаніемъ ея записокъ, или возвратить рукопись. Известно, что эта Дурова подъ именемъ Александрова служила гусарскимъ офицеромъ и съ 1808-го по 1815-ый годъ совершила всѣ славныя кампаніи того времени. Письмо доставлено въ копию, но содержаніе его, а главное—характерныя черты дѣловой корреспонденціи Пушкина, по мнѣнію Майкова, не оставляютъ сомнѣній въ подлинности письма.

Въ отдѣлѣ поэзіи пять произведеній имѣютъ непосредственное отношеніе къ Пушкину: 1) 7 переводовъ мелкихъ пушкинскихъ произведеній на фр. яз. кн. В. В. Бяратинскаго, 2) переводъ на нѣм. яз. Фидлера «Сказки о рыбахъ и рыбкѣ» 3) стихотвореніе Н. Е. Вуича 1837 г. («Свершилось! Рокъ неумолимый...»). Изъ поясненія къ этому стихотворенію видно, что оно взято внукомъ Вуича, Цейлемъ, изъ рукописной тетради дѣда, откуда слѣдуетъ заключить, что стихотвореніе это до сихъ поръ въ печати не было. А между тѣмъ въ сборникъ Каллаша «Русскіе поэты о Пушкинѣ» то же самое стихотвореніе помѣщено на стр. 79-ой. 4) Заключительная сцена трагедіи Михневича «Смерть Пушкина». Историческія черты событія соблюдены вѣрно и въ уста умирающаго поэта вложены подлинныя слова, сказанныя имъ передъ смертью. Въ послѣднемъ явленіи замѣтно вліяніе заключительной сцены Бориса Годунова. 5) Но самымъ интереснымъ поэтическимъ произведеніемъ является «Поверженный Пушкинъ» драматическая сцена *далекаго будущаго* К. К. Случевского. Еще примѣръ Пушкина доказаль, какъ трудно заглядывать въ будущее: въ 33 строфѣ 7-ой главы Евгенія Онѣгина авторъ предсказываль, что лѣтъ черезъ 500

„Шоссе Россію здѣсь и тутъ
Соединявъ, пересѣкутъ“.

Дѣйствительность черезъ 70 лѣтъ далеко превзошла прорицанія поэта. Прорицанія же Случевского носятъ довольно странный характеръ: сцена изображаетъ Страстную площадь «неопредѣленнаго будущаго», какъ выражается авторъ. «Москва полна слѣдовъ только что завершенной въ ней великой битвы. Дома обгорѣли, видны зарева». Вообще, вѣчто въ родѣ Москвы 1812-го года. Среди пло-

щадя лежитъ поверженный памятникъ Пушкина, совершенно цѣлый. Изъ дальнѣйшаго слѣдуетъ понимать, что Россія и другіе славяне затѣяли войну съ Англіей и Германіей и, послѣ многихъ поражений, побѣдили враговъ и уничтожили при помощи миноносокъ англійскій флотъ. «Мягкотѣлые» славяне ликуютъ. Является баба Василиса съ вѣстью объ окончательномъ пораженіи враговъ. «Новые клики радости, колокольный звонъ, клики «Ура! Живіо! Слава!», пушечная пальба, общая хоровая пѣсня», словомъ «веселися, храбрый Россъ!» Памятникъ водружается на свое мѣсто. Послѣдствія побѣды весьма благотворны для отечества: поляки больше уже не подчиняются папѣ, Австрія не существуетъ, всѣ славяне слились во едино. Тутъ же фигурируетъ и нѣкая «будущая» няня Пушкиныхъ, убитыхъ въ сраженіи въ нѣкоторомъ «чудномъ» мѣстѣ и батареи, палящія съ шаровъ воздушныхъ и много другихъ занимательныхъ вещей. При чемъ тутъ Пушкинъ, остается невыясненнымъ. Совершенно дѣтское произведеніе, очевидно, попавшее въ сборникъ по недосмотру редакторовъ (Ш. Н. Гнѣдича, Д. Л. Мордовцева и К. К. Случевского).

Изъ историко-белистритическихъ произведеній слѣдуетъ отмѣтить «Дни молодости» изъ жизни Пушкина въ Кипшиневѣ Ол. Накко и «Бой на Невѣ» Д. Л. Мордовцева. Въ первомъ очень подробно рассказано о пребываніи Пушкина въ Кипшиневѣ, но откуда сіе заимствовано или это есть фантазія автора—не указано. Болѣе назидательно и интересно историческое произведеніе В. А. Мордовцева. Въ противоположность «фантазіи будущаго» К. К. Случевского, Мордовцевъ изобразилъ «фантазію прошедшаго». «Бой на Невѣ»—такъ называется его произведеніе и подъ нимъ дата «15 іюля 1242 г.» Почтенный авторъ ошибся: бой Александра Нев. съ Биргеромъ происходилъ не въ 1242-мъ, а въ 1240-мъ году. Отсюда проистекла такая странность: въ бою принимаетъ участіе бояринъ Гаврила Алексичъ, который былъ убитъ годомъ раньше (въ 1241 г.). Но это простая ошибка; а вотъ въ концѣ рассказа проявляется уже сильная фантазія автора: старецъ Пелгусій обращается къ Радшѣ, предку Пушкина: «Отъ твоего сѣмени изыдетъ мужъ, велій словомъ своимъ вѣщимъ и пронесетъ слово то во всѣ концы вселенныя и назоветъ его всякъ сущій въ ней языкъ за то, что чувства добрыя»

въ сердцахъ онъ будетъ пробуждать и милость къ падшимъ призывать». Недурная историческая картинка: старецъ Пелгусій изъясняется стихами Пушкина!

Еще помѣщено воспоминаніе Подвысоцкаго о посѣщеніи имѣнія его дѣда (въ Черн. г.) А. С. Пушкинымъ въ 1825 г. Имѣютъ также отношеніе къ поэту замѣтки Билибина и рассказы Добротворскаго и Сысоева.

Изъ научныхъ статей самая интересная—«Германская литература о Пушкинѣ» А. Маркова. Авторъ удачно слѣдитъ не только за переводами изъ Пушкина, но и за критической литературой о произведеніяхъ поэта и отмѣчаетъ все возрастающій интересъ въ Германіи къ русской литературѣ. Онъ указываетъ также на политическое значеніе таланта поэта «... ибо благодаря ему на западѣ перестали смотрѣть на Россію, какъ на варварскую, азіатскую страну». При перечисленіи переводовъ у автора есть погрѣшности: такъ, онъ пропустилъ переводъ сцены изъ Бориса Годунова въ 1833 г. въ Дерптскомъ журналѣ «Dorpat. Jahrbücher» Розена.

Юр. Веселовскій впервые перечисляетъ всѣ переводы изъ Пушкина, имѣющіеся на армянскомъ яз., значительно дополняя, какъ соответствующій отдѣлъ «Пушкинианы» Межова, такъ и монографію Драганова (Пятидесятиязычный Пушкинъ).

Приведенъ текстъ двухъ переводовъ изъ Пушкина на халдейскій языкъ.

Къ сборнику приложено родословіе Пушкина отъ 1146 года до настоящаго времени, составленное М. В. Муравьевымъ.

Родословіе начинается съ 1140-хъ годовъ, когда нѣкій Радша (Ростиславъ-Стефанъ) прибылъ изъ «нѣмецъ» въ Новгородъ; въ 1146-мъ году киевляне разграбили его дворъ; онъ былъ тѣномъ князя Всеволода Ольговича. Его ближайшіе потомки: Якунь (Михаилъ) Радшичъ (посадникъ новгор.)—Алекса Якуновичъ (новгор. бояринъ)—Гавріилъ Алексичъ, бояринъ Алекс. Невскаго, принимавшій участіе въ Невской битвѣ (1240 г.). Такимъ образомъ оказывается, что самъ Пушкинъ ошибался, считая княженіе Алекс. Нев. временемъ выхода своего предка изъ «нѣмецъ». Удивительно, что до сихъ поръ этотъ вопросъ не обращалъ на себя ничего вниманія.

Въ память столтней годовщины рожденія А. С. Пушкина. Біографическій очеркъ и избранныя произведенія поэта. Для учениковъ и ученицъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній. Издано по распоряженію Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа.

Предлагаемый сборникъ самымъ своимъ появленіемъ указываетъ на то, что Пушкинъ въ цѣломъ еще не рекомендуется вниманію учениковъ ср.-уч. заведеній. Такимъ образомъ молодые люди, вступающіе въ университетъ, могутъ и не знать всего Пушкина, если они не восполняютъ этотъ пробѣлъ частнымъ чтеніемъ. То же можно сказать и объ ученицахъ, которыя, при современной постановкѣ учебнаго дѣла, большею частью и заканчиваютъ свое образованіе гимназіей.

Біографія А. С. составлена хорошо. Полно указано вліяніе лицейскихъ литературныхъ занятій на развитіе таланта юнаго поэта, а также и сочувствіе его первымъ опытамъ тогдашнихъ свѣтилъ нашей литературы: Державина, Карамзина и др. Къ числу недостатковъ біографіи надо отнести слишкомъ краткое упоминаніе о вліяніи на поэта его няни, Арины Родіоновны, а также и на самостоятельное изученіе имъ народнаго эпоса. Извѣстно, что, будучи въ Бессарабіи, онъ не только съ жаромъ интересовался мѣстной народной словесностью, но и выписывалъ (отъ Раевского младш.) русскія сказки. Вторымъ недостаткомъ біографіи надо считать совершенный пропускъ причинъ переселенія Пушкина на югъ и затѣмъ въ Михайловское, а между тѣмъ сказано, что въ Москву онъ возвратился (въ 1826 г.) съ разрѣшенія Государя. Такая неясность можетъ вызвать у читателя только недоумѣніе.

Закрывающая біографію общая характеристика составлена нѣсколько тенденціозно: Пушкину приписываются всѣ личные и общественныя добродѣтели. Въ особенности лишними являются указанія на его взглядъ на святость брачнаго союза и на религиозныя чувства поэта. Если нельзя было держаться строго установленныхъ историческихъ данныхъ, то слѣдовало совсѣмъ пропустить эти указанія. Затѣмъ на стр. XXX говорится, что Пушкинъ всегда требовалъ полной свободы творчества, но не сказано, что никогда не получалъ ея. Послѣ біографіи помѣщенъ краткій очеркъ нашей литературы до Пушкина и затѣмъ объясняется мѣсто самого Пушкина,

какъ въ національной литературѣ, такъ и въ всемірной. Съ удовольствіемъ надо отмѣтить, что въ книгѣ, изданной для учащихся, мы встрѣчаемся (кажется, впервые) съ признаніемъ заслугъ нашихъ классиковъ, Достоевскаго, Тургенева и, въ особенности, Л. Толстого и даже упоминается произведеніе послѣдняго «Что такое искусство?»

Что касается самаго выбора произведеній, то тутъ никакого опредѣленнаго плана не замѣчается. Единственная красная нить—удалить все фривольное. Намѣреніе законное въ виду цѣли сборника, но выполнено неудачно: во-первыхъ, вслѣдствіе этого изъ нѣкоторыхъ произведеній пришлось дать только фрагменты (напр. «Бахчисарайскій фонтанъ»), что, конечно, совершенно уродуетъ поэму, а во-вторыхъ, и конечная цѣль не достигнута: такъ напр., изъ «Подражаній Корану» удалены всѣ упоминанія о гаремѣ, а въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» они есть. Вообще, при выборѣ руководящаго начала не замѣтно. Совершенно нѣтъ сказокъ, балладъ, легендъ и пѣсенъ западныхъ славянъ, а также повѣстей Бѣльмина.

Отсутствіе сказокъ, вѣроятно, объясняется намѣреніемъ составителя дать матеріалъ для старшихъ классовъ гимназій, а пушкинскія сказки дѣлаются извѣстными еще въ начальныхъ классахъ. Но это неправильно: въ младшихъ классахъ сказки только заучиваются, но не изучаются, а это далеко не одно и то же.

.. За симъ почему нѣтъ пѣсенъ западныхъ славянъ? Если онѣ устранены, какъ перепѣвъ чужихъ мотивовъ, то зачѣмъ помѣщенъ испанскій романсъ? Проза представлена только отрывками изъ Капитанской дочки и Рославлевымъ (?) Последнее помѣщено, очевидно, въ видахъ патріотическихъ.

А. С. Пушкинъ. Изданіе Спб. городской думы. Составилъ В. П. Острогорскій.

Прекрасная цѣль петербургской думы наградить хорошимъ Пушкинскимъ сборникомъ окончившихъ курсъ ученія въ начальныхъ училищахъ въ Пушкинскомъ году вполне достигнута. Предлагаемый сборникъ, составленный такимъ выдающимся педагогомъ, какъ Викторъ Петровичъ, можетъ служить образцомъ подобныхъ изданій. Прекрасное предисловіе «Учитель—учащимся» и біографія составлены подробно и научно. Самый матеріалъ сборника раздѣленъ на 8 отдѣловъ: «преданья старины глубокой» (сказки), «дѣла давно ми-

нувшихъ дней» (Олеги, Бор. Годуновъ, Разинъ), «Россія—съ Петра В.» (Полтава, Мѣдный Всадникъ и др.) и т. д. Принимая во вниманіе малое знакомство съ русской исторіей тѣхъ читателей, для которыхъ книга предназначается, надо считать чрезвычайно удачной мысль—передъ каждымъ отдѣломъ помѣстить историческія свѣдѣнія и характеристики, имѣющія отношенія къ данному періоду. Въ особенности хорошо изложены: о Грозномъ царѣ и Бор. Годуновѣ и отечественная война. Эти главы могутъ послужить примѣромъ научно-популярнаго изложенія русской исторіи, одинаково чуждаго, какъ специально-научныхъ отступленій, такъ и кваснаго патріотизма. Непонятныя слова вездѣ объяснены. Книга снабжена 23-мя иллюстраціями.

Пушкинъ въ образцахъ и музыкальныхъ мотивахъ. Съ портретомъ и біографіей поэта. Для школъ и народа. Составили М. Соколовъ и Л. Гольдманъ.

Составители такъ опредѣляютъ въ предисловіи цѣль своего изданія: «Ближайшимъ побужденіемъ къ составленію настоящей книги послужило желаніе придти на помощь устроителямъ доступнаго самымъ ограниченнымъ средствамъ чествованія памяти Пушкина... преимущественно въ учебныхъ заведеніяхъ, разнаго рода народныхъ читальняхъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ». Сообразно съ этой цѣлью сборникъ раздѣленъ на 5 отдѣловъ: народныя сказки въ переработкѣ Пушкина, картины русской природы и жизни, историческіе и патріотическіе стихи, народныя пѣсни, переложенныя Пушкинымъ и смѣсь. Кромѣ того 16 №№ пѣсенъ Пушкина, положенныхъ на ноты. Біографія поэта составлена хорошо, хотя и есть нѣкоторыя неточности. Такъ, на стр. 7 сказано, что Пушкинъ съ самаго начала лицейской жизни уже не зналъ себѣ соперниковъ въ поэзіи среди сотоварищей. Это, какъ извѣстно,—неточность: Илличевскій и Дельвигъ превосходили Пушкина въ первые лицейскіе годы.

Выборъ произведеній сдѣланъ обдуманно и по намѣченному плану. Распространеніе Пушкина при помощи пѣнія можно только привѣтствовать.

Русскому солдату на память объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ.

Это изданіе, предназначенное для распространенія въ арміи, составлено съ Высочайшаго соизволенія особой военной комиссіей съ

участіемъ проф. Шляпына и акад. Франка. Біографія (написана) проф. Шляпкинымъ достаточно понятно и, по возможности, научно. Въ текстѣ нѣтъ ни одного большого цѣльнаго произведенія: все отрывки. Проза совсѣмъ отсутствуетъ.

Пушкинъ для ребятъ. Составилъ Сальниковъ.

Въ этой брошюркѣ въ 42 стр. матеріаль выбранъ доступный, но нѣтъ ни предисловія, ни оглавленія, ни намека на біографію. Не мѣшало бы пояснить такія слова, какъ Бессарабія, чепракъ и т. п.

Сочиненія Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе книжного магазина «Знаніе». Подъ ред. Ч. Вятринскаго.

Это общедоступное изданіе вполне оправдываетъ свое названіе: больше дать за такую умѣренную цѣну (50 к.)—трудно. Всѣ отдѣлы Пушкинской поэзіи налицо, не забыта и проза. Изданіе снабжено снимками съ нѣкоторыхъ картинъ (Дуэль Пушкина, Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ) и объяснительнымъ словаремъ иностранныхъ словъ. Приложены стихотворенія Кольцова и Лермонтова на смерть Пушкина.

О чтеніяхъ Пушкинымъ «Бориса Годунова» въ 1826 г. въ Москвѣ. М. Веневитинова.

Авторъ устанавливаетъ родство Пушкина съ поэтомъ Д. В. Веневитиновымъ (четвероюродные братья), указываетъ домъ, гдѣ читалъ Пушкинъ «Бориса Годунова» (Мясницкая, Кривокольный пер., д. насл. Фролова, № 4), стремится опредѣлить день чтенія, а также присутствовавшихъ на немъ лицъ и передаетъ замѣтки Погодина о впечатлѣніи, которое вынесъ авторъ послѣ ознакомленія съ трагедіей.

Статья была уже раньше напечатана въ Русск. Вѣд. (№ 143, 1899 г.).

А. С.: Пушкинъ въ славянскихъ переводахъ.—Пл. Кулаковскій.

Книга Кулаковскаго имѣетъ цѣлью наглядно показать, что Пушкинъ извѣстенъ славянству, и не претендуетъ на представленіе всѣхъ славянскихъ переводовъ поэта, а только даетъ примѣры переводовъ на языки: чешскій, польскій, словацкій, славенскій, сербскій, болгарскій, хорватскій, лужицкій, сербохорватскій. Изъ

переводовъ выбраны по возможности поздніе. Кромѣ переводовъ произведеній Пушкина, помѣщено стихотвореніе «Сѣни Александра Пушкина» (1845 года), принадлежащее перу Петра II, владыки Черногорскаго и оригиналь «Влаха въ Венеціи» изъ *La Guzla*, а также стихотворный переводъ этого сказанія Мицкевича. Переводамъ предшествуетъ предисловіе, нѣсколько оптимически общающее, что исполнились слова поэта—знаеть о Пушкинѣ всякій языкъ, живущій на Руси великой. «И на дальнемъ востокѣ, у береговъ Тихаго океана и здѣсь, на крайнемъ западѣ Россіи, поминается это имя, какъ родное, дорогое, вполне ясное по своему значенію». Это—сильное преувеличеніе и съ формальной стороны и по существу: даже если считать знакомствомъ прочтенныя 3 строчки поэта, то и такового еще только дожидаются нѣкоторые народы Россіи, (напр., якуты); что же касается ясности пониманія поэта, то къ нему вполне примѣнимо замѣчаніе Кулаковскаго о Шекспирѣ, что «значеніе Шекспира въ наше время только еще растетъ».

Славянскіе мотивы въ творчество Пушкина.—Пл. Кулаковскій.

Авторъ задается цѣлью выяснить, насколько Пушкинъ былъ знакомъ съ западно- и южно-славянскою поэзіей и языкомъ и какіе мотивы заимствованы имъ изъ богатой сокровищницы славянскаго эпоса. Упомянувъ объ его непосредственномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми представителями южно-славянскихъ народностей, авторъ указываетъ и на литературное изученіе Пушкинымъ сборника Вука Караджича (откуда имъ заимствованы «Соловей» и «Сестра и братья»). Изъ числа «пѣсенъ западныхъ славянъ» 11 взяты изъ извѣстнаго (подложнаго) сборника Мериме: *La Guzla*. Всего у Мериме 29 рассказовъ. Интересно, значить, прослѣдить, какими же мотивами воспользовался Пушкинъ? «Основнымъ мотивомъ всѣхъ этихъ заимствованій, говоритъ Кулаковскій, служатъ борьба за народное самосознаніе и соблюденіе вѣчныхъ законовъ нравственности, правды». Соглашаясь съ авторомъ въ томъ, что общее настроеніе этихъ пѣсенъ именно таково, мы не можемъ не указать и на нѣкоторыя отступленія, какъ напр., на заключительныя строки пѣсни «Янышъ - королевичъ («Противъ солнышка луна не пригрѣетъ», «Противъ милой жена не угѣшитъ»). Весьма интересно сопостав-

леніе переводовъ Мицкевича и Пушкина: какъ извѣстно, и тѣмъ и другимъ переведенъ рассказъ Мериме *Le morlaque à Venise*. Изъ сравненія оказывается, что Пушкинъ болѣе своего польскаго собрата обладалъ способностью «перевоплощаться» въ духъ чужого народа и чрезвычайно чутко угадывалъ, такъ сказать, подпочву народную.

Поэтъ и читатель въ лиричѣ Пушкина.—Критическій очеркъ Б. В. Никольскаго.

Никольскій, констатируя острый разладъ музыки Пушкина съ современными ему читателями, пытается разгадать внутреннія причины этого разлада, который только въ настоящее время закончился полной побѣдой поэта надъ своими читателями.

Очеркъ Никольскаго распадается на 2 неравныя части: первая (большая выясняетъ намъ послѣдовательную смѣну настроеній и идеаловъ Пушкинской музыки, а вторая—отношеніе поэта къ читателямъ и обратно.

Указывая на то, что красной нитью по всѣмъ произведеніямъ Пушкина, проходитъ «рыцарство въ самомъ чистомъ и возвышенномъ значеніи этого слова», Никольскій первымъ (по времени) идеаломъ Пушкина считаетъ идеаль воина, ссылаясь на многочисленныя цитаты изъ произведеній поэта 1817—21 годовъ. Къ мечтамъ «о подвигахъ гусарскихъ» примѣшиваются и мотивы «пѣсенъ мирныхъ фригійскихъ пастуховъ» и, наконецъ, они получаютъ преобладаніе и вся Пушкинская поэзія этого періода окрашивается въ идиллическій свѣтъ. За симъ, подъ вліяніемъ Байрона развивается у Пушкина культъ страстей и демоническихъ характеровъ. Въ третьей смѣнѣ настроенія идеаломъ Пушкина является поэтъ-гражданинъ. Первоначально поэтъ желаетъ быть трибуномъ, воиномъ свободы:

„О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?“ („Деревня“).

„Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Нашишегъ наши имена“. (Къ Чаадаеву)

но, подъ вліаніемъ Шенье, онъ, не отказываясь отъ свободы, мѣняетъ свой взглядъ на служеніе ей:

„Свободы сѣятель пустынный
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвпной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя,—
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды“.

«Было бы крайне ошибочно видѣть въ этой пьесѣ отреченіе отъ свободы» говоритъ Никольскій «Пушкинъ не отрекался отъ свободы: онъ только оставилъ мысль о трибунствѣ и потому на вопросъ:

„Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ и вѣтреную моду,
Что жъ избереете вы?“

онъ съ полнымъ правомъ можетъ отвѣтить:

„Свободу!“ (Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ)

съ 60-й страницѣ очерка начинается разборъ самой темы: отчего происходилъ разладъ Пушкина съ читателями и отсюда угнетенное состояніе поэта, непонятаго толпой? Отчасти виновато въ этомъ было слишкомъ быстрое развитіе таланта и общее поклоненіе ближайшихъ сотоварищей и представителей литературы: поэтъ склоненъ былъ предположить, что и дальше въ его лавровомъ вѣнкѣ не будетъ терній. Первый успѣхъ слишкомъ окрылилъ его, не закалилъ въ борьбѣ и плодомъ этого было мучительное недоумѣніе, простилавшее вслѣдствіе непониманія его таланта «большой публпкой»:

„Я говорилъ предъ хладною толпой,—
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный.
Я замолчалъ“.

Въ заключеніе Никольскій говоритъ: «Разладъ поэта съ читателемъ намъ жень мы видимъ, что этотъ разладъ явился слѣдствіемъ съ одной стороны внутренней борьбы разпородныхъ идеаловъ поэта, стремившихся къ верховному единству и, перемежаясь, обособлявшихъ поэта въ мірѣ своими противорѣчіями, а съ другой—въ немъ сказалась личная судьба поэта. Жизнь не закалила его къ терніямъ

славы и переболѣть ихъ извительную боль онъ принужденъ былъ въ томъ возрастѣ, когда другіе давно привыкають равнодушно къ ней относиться».

Таково вкратцѣ содержаніе интересной брошюры Никольскаго и таково рѣшеніе поставленнаго имъ вопроса:

Что касается смѣны идеаловъ Пушкинской музы, то мы, находя вполне правильнымъ хронологическое дѣленіе ея настроеній на 3 періода, не совсѣмъ согласны съ авторомъ въ его обозначеніи перваго идеала Пушкина, какъ идеала военнаго. Правда, въ юности Пушкинъ увлекался «гусарскими мечтами», но едва ли эти мечты серьезно можно считать за идеалъ. Надо вспомнить историческія событія 1812—15 гг., вызвавшія столь сильный подъемъ патріотическаго духа въ русскомъ обществѣ, чтобы понять, что 15—18 лѣтнему впечатлительному юношѣ трудно было не заразиться общимъ энтузіазмомъ, но этотъ энтузіазмъ былъ наносный, являвшійся скорѣе стихійнымъ, чѣмъ индивидуальнымъ, характернымъ. На это указываетъ и то обстоятельство, что на ряду съ такими воинственными стихотвореніями, какъ посланіе къ Ю(дину) 1815 г., встрѣчаются и такія, какъ «къ товарищамъ передъ выпускомъ» 1817 г.

„... Иной, подъ киверь спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ;
Въ крещенской утренней прохладѣ
Красиво мерзнуть на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ...
Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, кпвера,
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассессора“

и «Сонъ» 1816 г.

„Я не герой, по лаврамъ не тоскую,
Спокойствіемъ и нѣгой не горжусь,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой“.

Что это былъ только наносный энтузіазмъ, не соответствовавшій дѣйствительнымъ стремленіямъ поэта, указываетъ и слѣдующее преувеличеніе:

„Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей“

воскликаетъ онъ въ 1820 году. Откуда былъ знакомъ бой поэту въ это время?

Что касается разлада Пушкина съ современными ему читателями, то намъ кажется, что онъ происходилъ, такъ сказать, отъ недостатка времени: читатели, воспитанные на литературѣ псевдоклассической и на поэзіи (Державина) были слишкомъ мало подготовлены къ воспріятію поэзіи Пушкина, новой и вслѣдствіе этого чуждой имъ и по формѣ и по содержанію. А между тѣмъ одно произведеніе слѣдовало за другимъ. Гдѣ же тутъ съ непривычки разобратъ? Отсюда-то и происходило и то странное на нашъ взглядъ явленіе, что лучшія, по нашему мнѣнію, произведенія Пушкина отнюдь не считались такими, а пальма первенства отдавалась произведеніямъ второстепеннымъ. Да и такъ ли ужъ значителенъ былъ разладъ, какъ изображаетъ его Никольскій? Намъ кажется, что разладъ этотъ въ острой формѣ проявлялся только между Пушкинымъ и современной критикой, да и то не въ такой степени, какъ въ 60-е годы.

Цѣнно указаніе Никольскаго назначеніе А. Шенье для лирики Пушкина; этотъ вопросъ совсѣмъ не разработанъ въ нашей литературѣ.

Жаль, что авторъ въ своей брошюрѣ ограничился только разборомъ лирики.

Пушкинъ, какъ воспитатель. Айхенвальдъ.

Айхенвальдъ удачно развиваетъ мысль о воспитательномъ значеніи Пушкина. Пушкинъ сверхпространствененъ и сверхвремененъ, для его таланта нѣтъ границъ бытія; его «неумирающія созданія манятъ къ себѣ двойной властью прекраснаго и добраго... имъ суждено пробуждать въ сердцахъ чувства добрыя. Достоевскій справедливо назвалъ Пушкина всечеловѣкомъ и въ сближеніи съ этой всечеловѣческой душой кроется для насъ источникъ блага: онъ учитъ насъ просвѣтленной любви къ жизни и сердечному благоволенію къ людямъ». Не ново, но справедливо. Къ числу недостатковъ брошюры надо отнести неясное противоположеніе толпы—человѣчеству: «Пушкинъ часто говорилъ о жалкомъ родѣ людей, достойномъ слезъ и смѣха, о тупой черни, и, по его мнѣнію, кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей; но это презрѣніе къ пош-

лости толпы не мѣшаетъ его любви къ человѣчеству» (стр. 12). Какъ сіе понимать? Затѣмъ, напрасно авторъ употребляетъ такіе темные термины, какъ Теодицея, богъ Махадева— «Писать слишкомъ мудрено

„Очень стыдно и грѣшно“.

сказалъ еще Пушкинъ.

Пушкинъ, какъ учитель молодого поколѣнія. Опытъ объясненія учащимся воспитательнаго значенія Пушкина, иллюстрированный произведеніями поэта. Петрова.

Автору, преподавателю русской словесности, пришла прекрасная мысль иллюстрировать свою рѣчь пушкинскими стихотвореніями и распределить чтеніе послѣднихъ между учениками и ученицами. Идея прекрасная и, несомнѣнно, много способствовавшая подъему интереса къ чтенію. Самое содержаніе брошюры нѣсколько односторонне: слишкомъ много мѣста удѣляетъ авторъ толкованію религиозныхъ стиховъ Пушкина, при чемъ иногда не чужды преувеличеній. «И на югѣ и на сѣверѣ Пушкинъ не разставался съ библіей» (стр. 8); между тѣмъ съ библіей Пушкинъ познакомился только въ Михайловскомъ. «Будучи глубоко набожнымъ, Пушкинъ не воспѣлъ ни единого злого или извращеннаго движенія души человѣческой» (стр. 19); и первая и вторая часть этого положенія противорѣчатъ дѣйствительности: извращенны или не извращенны, на примѣръ, по мнѣнію г. Петрова, религиозныя понятія Пушкина, выраженные въ стихотвореніи «Еврейкъ» (1821 г.), гдѣ поэтъ говоритъ о своей готовности за поцѣлуй Ревекки оставить православіе? По мнѣнію автора, Пушкинъ, потому любилъ бродить по кладбищу («Когда за городомъ задумчивъ я брожу... 1836 г.), что былъ истинно православный христіанинъ» (стр. 20). Совершенно новая черта истинно православнаго челоѣка! Слова автора— «все же гордое, неприступное, надменное, не способное къ проявленію жалости и милосердія не располагало къ себѣ поэта» опять таки надо принять съ оговоркою; стоитъ только вспомнить байроническіе типы, основными чертами которыхъ были какъ разъ указанные здѣсь. Встрѣчаются неправильности; на стр. 58—указаніе, что образъ Татьяны списалъ съ Евпраксіи Вульфъ. По предположеніямъ біографовъ, Татьяна—

Анна Вульфъ, а Евпраксія—Ольга. Не чуждъ авторъ и лирическихъ отступленій: «И вотъ въ то время, какъ мы празднуемъ столѣтіе со дня рожденія нашего великаго поэта, въ небольшой и тихой столицѣ Нидерландскаго королевства, въ маленькомъ дворцѣ, утопающемъ въ зелени огромнѣйшаго парка, въ чащѣ котораго такъ и прыгаютъ лоси...» и т. д. (стр. 35).

Остальная часть очерка, посвященная выясненію двугихъ воспитательныхъ сторонъ пушкинской поэзіи, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ популярныхъ очерковъ того же рода.

Пушкинъ. Разборъ главнѣйшихъ произведеній, литературное и воспитательное его значеніе. Для учащихся старшаго возраста. А. Радоужскаго.

Весьма краткое изложеніе біографіи едва ли можетъ считаться достаточнымъ для «старшаго возраста». Что касается самаго разбора, то онъ ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ поверхностныхъ указаній на достоинства стиховъ Пушкина. Имѣются и неправильности: въ опредѣленіи періодовъ творчества Пушкина второй періодъ опредѣленъ съ 1822-го по 1829-ый годъ (?), а третій—съ 1824-го по 1837-ой. Никакого критическаго отношенія нѣтъ: поэту и его произведеніямъ приписываются всѣ достоинства и всѣ въ превосходной степени. Изложеніе тенденціозное: «Народъ нашъ любитъ ту же молитву (великопостную), такъ какъ въ ней выражень духъ... цѣломудрія, смиренія, терпѣнія и любви... Не тѣми ли же золотыми чертами украшены герои нашего народнаго эпоса?» Очевидно, авторъ совсѣмъ незнакомъ съ этими героями. На стр. 83 читаемъ слѣдующее: «Въ трагедіи «Борисъ Годуновъ»... поэтъ... самъ раздѣляетъ эту вѣру слѣпота пастуха въ благодатную испѣляющую силу...» Утверженіе слишкомъ смѣлое! Авторъ сильно не одобряетъ современныхъ дѣвицъ (стр. 65): Марина это—современная великосвѣтская дѣвица, которой знакома и политика и всѣ средства женскаго лукавства». Затѣмъ восхваляется, согласно Домострою, Ксенія: «точно простая деревенская дѣвушка» въ видѣ похвалы прибавляетъ авторъ. «Этотъ разговоръ Ксеніи съ няней переноситъ насъ въ ту эпоху, когда царская дочь отличалась отъ сѣнной и деревенской дѣвушки развѣ только парчевымъ платьемъ, но обѣ вѣрны, думали одинаково

и говорили однимъ языкомъ» (стр. 66). Едва ли, однако, юные читатели этой книги раздѣляютъ симпатіи автора, несмотря на все его краснорѣчіе въ защиту Домостроевскихъ идеаловъ. Кое-гдѣ испорченъ текстъ (стр. 87).

Въ заключеніе—quod licet Iovi, non licet bovi: Гоголь въ свое время могъ сказать, что «сравнительно съ Капитанской дочкой всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторною размазною», но въ настоящее время г. Радонежскому не слѣдовало бы повторять этого.

Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ. Всев. Миллера.

Вышеназванная брошюра представляетъ изъ себя очеркъ, читанный авторомъ 25-го мая 1899 г. въ публичномъ засѣданіи этнографическаго отдѣла Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Авторъ сначала останавливается на полной оторванности нашей литературы XVIII в. отъ народа, на литературныхъ вкусахъ общества того времени и начала XIX столѣтія, воспитаннаго на французской ложно-классической поэзіи, на слабомъ знаніи отечественнаго языка. Затѣмъ авторъ слѣдитъ, какъ «этотъ русскій французъ могъ дойти до гениальнаго воспроизведенія чисто народнаго языка и склада рѣчи» (стр. 13). В. Ф. отмѣчаетъ занятія Пушкина русскимъ языкомъ и затѣмъ постепенное возрастаніе интереса къ чисто народному элементу. Онъ удачно сопоставляетъ шутку Пушкина (1823 г.):

„Я вокругъ Стурдзы хожу,
Вкругъ библическаго,
Я на Стурдзу гляжу
Монархическаго...“

съ народной пѣсней:

„Вкругъ я печи хожу,
Кругъ муравленья,
Я на печку гляжу,
На муравленую...“

Затѣмъ указывается, что постоянно возраставшій интересъ Пушкина къ изученію народнаго творчества заключился прямымъ собираніемъ народныхъ сказокъ и пѣсенъ. Къ брошюрѣ приложены 12 свадебныхъ пѣсенъ, лично записанныхъ Пушкинымъ и переданныхъ имъ Кирѣевскому для изданія въ 1838 г. въ сборникѣ послѣдняго.

Пѣсни записаны Пушкинымъ въ Псковской губ. Къ сожалѣнію, черновая тетрадка записей (собственно Пушкинская) не сохранилась и пѣсни цитируются по приготовленному къ печати сборнику Кирѣевского.

Въ общемъ, очень интересный и весьма обстоятельно составленный очеркъ.

Пушкинъ національный поэтъ. Рѣчь А. Н. Веселовскаго.

Рѣчь акад. Веселовскаго—сжатая характеристика значенія Пушкина, какъ перваго нашего народника-реалиста и по содержанию и по языку произведеній. Типы ложноклассическіе не были ни передуманы, ни выстраданы авторами: они просто были «примѣнены» къ русской жизни изъ франц. образцовъ. Это была поэзія объективная; «Романтизмъ изощрялъ чувство, велъ къ выработкѣ языка Жуковскаго и Батюшкова. Становилась возможною лирика непосредственнаго, личнаго настроенія, но мотивамъ общественности въ ней еще нѣтъ отзыва». Къ провозглашенію этихъ мотивовъ былъ призванъ Пушкинъ. «Какъ Мольеръ, бралъ онъ у другихъ свое: формы, отвѣчавшія его поэтическому чутью, будившія въ немъ его собственные «звуки новые»; типы, которые онъ находилъ кругомъ себя, стремленія, которыя дѣлилъ съ лучшими людьми своего времени и самъ переживалъ страстно и тревожно». Уже въ этомъ смыслѣ онъ былъ націоналенъ и могъ сказать:

„И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа“.

«Все это очутилось въ русской обстановкѣ, реальной и поэтической, выросло изъ нея, заодно съ нею: вездѣ ощущается народная подпочва. Въмѣсто развалинъ замка въ Швеціи» явились картины русскаго лѣта, осени, зимней бури, поэзіи русской деревни:

„Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На вебѣ сѣренькія тучи.
Передъ гумномъ соломы кучи“.

(Изъ путешествія Овѣгина).

Конечно, вся эта родная поэзія не далась безъ долгаго и упорнаго труда при ея изученіи.

Народникъ-реалистъ Пушкинъ и въ смыслѣ языка: онъ сдѣлалъ народное слово достояніемъ поэзіи. Онъ защитилъ его словоупотребленіемъ сказки, требуя для языка болѣе воли, предпочитая простонародность «жеманству» и напыщенности. Не мало пришлось ему постоять за эти новшества, но то, чего не успѣлъ онъ, сдѣлало за него время: оно показало, кто правъ. Судьба не дала поэту досказаться:

„Какъ вѣкій херувимъ,
Онъ вѣсколько занесъ намъ пѣсень райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье,
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть“.

(Моцартъ и Сальери).

Но его пѣсни отозвались въ живомъ наслѣдіи русской поэзіи и будутъ вѣчно отзываться въ ней.

Вліяніе поэзіи Пушкина на развитіе самосознанія русскаго народа. Речь въ славянскомъ Одесскомъ о-вѣ 11-го мая 1899 г. Мочульскаго.

Брошюрка Мочульскаго, занимая 16 неполныхъ страницъ, главнымъ образомъ изобилуетъ цитатами изъ Пушкина.

Неизвѣстно, зачѣмъ приведено все содержаніе Евг. Онѣгина. Конечный выводъ автора таковъ: «Главные типы Пушкина—носители высокой идеи о свободѣ и правахъ человѣческой личности. Но одни изъ героевъ (Алеко, Кавказскій Плѣнникъ, Онѣгинъ) «вооруженные и лучшимъ образованіемъ и лучшимъ воспитаніемъ» не осуществляютъ этой идеи вслѣдствіе личнаго эгоизма, «тогда какъ въ массѣ русскаго народа (Иванъ Кузьмичъ, поручикъ Ив. Игн., а также униженные и оскорбленные»: «Гробовщикъ», «Станціонный Смотритель») она (эта идея) теплится и при всякомъ удобномъ случаѣ готова загорѣться... вмѣстѣ съ тѣмъ въ наше сознаніе проникла и та мысль, что широкіе планы и высокіе замыслы не всегда бываютъ по плечу русскому народу, а намъ нужно малое, но вѣрное дѣло... Не знаемъ, откуда послѣдняя мысль проникла въ автора, но во всякомъ случаѣ изъ сочиненій Пушкина такая мысль не вытекаетъ.

Значеніе Пушкина для Россіи. Г. Соколова.

Эта коротенькая брошюрка ничего не прибавляет къ уже сказанному о Пушкинѣ. Авторъ въ опредѣленіи значенія поэта для Россіи довольствуется общими мѣстами, къ тому же еще и изложенными довольно страннымъ языкомъ, какъ, напр., въ слѣдующей тирадѣ (стр. 5): «Отзывчивость на горе и нужды пришельцевъ изъ чужихъ земель, отмѣченное (sic); какъ замѣтное для всѣхъ свойство славянъ еще греческими хрониками, выражающаяся и въ состраданіи русскаго народа къ побѣжденному врагу; перешедшая (?) въ эпоху Петра I въ переимчивость и подражательность со стороны болѣе образованнаго класса общества...» и т. д. еще 6 строкъ до точки. Довольно странное историческое объясненіе заимствованія западной культуры при Петрѣ I. Встрѣчаются и противорѣчія (стр. 8 и 13) и невѣрные опредѣленія (стр. 1).

Античный міръ въ поэзіи Пушкина. С. Любомудрова.

Цѣль настоящей статьи: «Прослѣдить внѣшнія проявленія внутренней работы поэта, установить извѣстныя вѣхи на пути его развитія въ данномъ (античномъ) направленіи и привести разрозненныя стихотворенія въ непосредственную связь и соприкосновеніе съ его личной жизнью». Авторъ раздѣляетъ антологическія произведенія на три періода: I—«пробы пера» до 20-го года; II—пребываніе Пушкина на югѣ (1820—24 гг.); III—жизнь въ селѣ Михайловскомъ. Авторъ отмѣчаетъ все нарастающій интересъ поэта къ классикамъ: сначала мелкія подражанія, основной мотивъ коихъ прекрасно выраженъ въ стихотвореніи «Гробъ Анакреона» (1815 г.):

„Смертный! Вѣкъ твой—привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!“

Ко второму періоду относятся такія произведенія, какъ «Доридъ» (1820), «Муза» (1821) «Покровъ, ушитанный язвительною кровью...» и др. Въ нихъ сказывается уже бѣльшая законченность,

способность «перевоплощаться» въ античный духъ. Сюда же относится большое стихотвореніе «Къ Овидію»; въ немъ есть и автобіографическій намекъ:

„Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, *участію я равенъ былъ тебѣ*“.

Не лишена основанія догадка автора, что въ повышеніи интереса поэта къ древности послужило стимуловъ и то случайное обстоятельство, что во время путешествія по Крыму Пушкинъ осматривалъ историческіе памятники-развалины гроба Митридата и Пантикапей. Въ письмѣ къ Дельвигу изъ Михайловскаго (дек. 1824 г.) онъ упоминаетъ, что наиболѣе сильное впечатлѣніе произвели на него баснословныя развалины храмы Діаны.

Третій періодъ означается переходомъ отъ Овидія и римской лирики къ историкамъ Тациту, Аврелію Виктору и рядомъ съ ними появляется тяготѣніе къ греческой поэзій; александрійскій стихъ замѣняется гексаметромъ и пентаметромъ. Къ этому періоду относятся піесы: «Алкидъ», «Отрокъ», «Трудъ», «Аріонъ», «Пенатамъ» и наиболѣе характерныя: «Надгробная надпись Θεону», «Ширъ», «Вино». Три послѣднія являются претвореннымъ переводомъ изъ греческихъ поэтовъ Гедипа, Ксенофона Колофонскаго и Іона Хиосскаго. Въ этотъ же періодъ была задумана и отчасти начата повѣсть «Египетскія ночи».

Таково содержаніе брошюры Любомудрова.

Прежде всего надо обратить вниманіе на слишкомъ свободное употребленіе авторомъ термина «антологическій». Хотя этотъ терминъ вообще и не принадлежитъ къ числу твердо установленныхъ, тѣмъ не менѣе намъ кажется сомнительною возможностью подвести подъ него такія стихотворенія, какъ «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда...» «Отрокъ», «Трудъ».

На стр. 24, авторъ, со словъ Л. Поливанова говорить, что Пушкинъ введеніемъ въ свой языкъ славянизмовъ сообщилъ своеобразную прелесть русскому стиху и въ подтвержденіе приводитъ: земледѣль, мразъ, хладъ, власы и проч. Намъ кажется, что употребленіе этихъ словъ, наоборотъ, слѣдуетъ причислить къ слабымъ сторонамъ языка первоначальнаго творчества Пушкина и это есть послѣдніе отзвуки ложноклассическаго слога. Эти славянизмы наибо-

лѣе часто встрѣчаются въ раннихъ произведеніяхъ Пушкина (напр., въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ: ночи, россовъ, многократное; не сель), а потомъ постепенно исчезаютъ. Авторъ утверждаетъ, что Пушкинъ, несомнѣнно, читалъ Овидія много и притомъ въ подлинникѣ. То же какъ будто подтверждается и нѣкоторыми цитатами Пушкина изъ Овидія, Горація и др. Мы, на основаніи словъ самого же Пушкина, можемъ усомниться въ этомъ; такъ, въ своихъ критическихъ замѣткахъ поэтъ говоритъ: «Шестой пѣсни Онѣгина не разбирали, даже не замѣтили въ В. Евр. латинской печатки. Кстати, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ лица, я не раскрывалъ латинской книги и совершенно забылъ латинскій языкъ. Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замѣчательныя книги тѣснятся однѣ за другою, а никто нынче по латыни не пишетъ...» Отсюда ясно, что Овидія онъ не читалъ въ подлинникѣ. Самое большее, онъ могъ читать его en regard съ французскимъ переводомъ и только въ наиболѣе интересныхъ или неясныхъ мѣстахъ справляться съ подлинникомъ, какъ онъ и поступалъ при чтеніи Шекспира. Нѣкоторыя же цитаты, очевидно, запечатлѣлись въ богатой памяти поэта еще съ уроковъ Кошалскаго. Объ излишествахъ изученія древнихъ языковъ проводится мысль и въ «Запискѣ о народномъ воспитаніи».

Ничего не сказано у автора о несомнѣнномъ вліяніи Одессы на оживленіе образовъ у поэта изъ античнаго міра; очень слабо упомянуто о греческомъ возстаніи и объ интересѣ къ нему со стороны Пушкина.

Въ заключеніе авторъ справедливо указываетъ, что и въ области антологическаго творчества Пушкинъ (вмѣстѣ съ Гнѣдичемъ и Батюшковымъ) создалъ въ русской литературѣ цѣлую школу: послѣ него и подъ его вліяніемъ появились русскіе поэты-классики: Майковъ, Мей, Фетъ.

Выясненію значенія Пушкина въ музыкѣ посвящено въ юбилейной литературѣ 6 изслѣдованій. 3 изъ нихъ вышли отдѣльными изданіями, а 3 помѣщены въ сборникахъ (Кіев. Педагогич. Общ. и въ сборникѣ журн. «Жизнь») и газетахъ (Р. Вѣд. № 146, 1899 г. статья Ангеля).

Мы рассмотримъ «Пушкинъ въ музыкѣ. Обзоръ всѣхъ произведеній поэта, вдохновившихъ русскихъ композиторовъ. Краткая біографія поэта и его отроческая жизнь въ лицей» Ерошенко. «А. С.

*Пушкинъ въ области музыки» Турыгиной и «Пушкинъ въ музыкѣ»
М. М. Иванова.*

Что касается первой брошюры, то юбилейная литература ничего не потеряла бы отъ ея отсутствія. Біографія поэта изложена очень странно: первая часть ея заимствована изъ соч. Авенариуса Отроческие годы Пушкина, а характеристикѣ дальнѣйшаго творчества и жизни Пушкина посвящены три странички, которыя заняты перечисленіемъ произведеній поэта и цитатами изъ нихъ. Затѣмъ излагается краткое содержаніе произведеній Пушкина, которыя вошли въ музыку. Это добавленіе мало понятно: трудно предположить, чтобы читатель, интересующійся вопросомъ о поэзии Пушкина въ музыкѣ, не зналъ содержанія его произведеній.

Послѣднія 6 страницъ посвящены очень несложной характеристикѣ композиторовъ. Вотъ и все. Впрочемъ, авторъ сообщаетъ о Пушкинѣ и кое-что совсѣмъ до сихъ поръ неизвѣстное: оказывается, что на лицейскомъ экзаменѣ 1815 г. Пушкинъ читалъ передъ Державинымъ свое стихотвореніе «Голосъ мой» (?) (стр. 29).

Вторая брошюра на ту же тему, принадлежала перу Турыгиной, является также весьма неполной по содержанію. Прежде всего довольно неожиданнымъ по отношенію къ темѣ является эпитафья: «Гуманность Пушкина въ самомъ широкомъ значеніи этого слова должна быть почувствована и дѣтьми и народомъ и играть роль въ образованіи души ихъ очень важную». Затѣмъ идутъ мысли поэта о музыкѣ (въ видѣ цитатъ изъ его произведеній) и очень неполное перечисленіе и краткая характеристика композиторовъ, воспользовавшихся Пушкинскимъ текстомъ. Утвержденіе, что въ каталогѣ Бесселя перечислены всѣ вокальныя произведенія на слова изъ Пушкина—невѣрно. Зато изъ брошюры мы можемъ полностью узнать, какія еще существуютъ сочиненія г-жи Турыгиной и куда они допущены и къмъ одобрены и рекомендованы.

Третья брошюра, разрабатывающая аналогичную тему,—очеркъ М. М. Иванова серьезною изслѣдованіемъ и обстоятельностью выгодно отличается отъ писаній Ерошенко и Турыгиной.

Интересовался ли Пушкинъ музыкой? Вотъ первый вопросъ, который ставитъ авторъ и отвѣчаетъ на него утвердительно съ тою лишь оговоркою, что интересъ этотъ являлся у него. постепенно, по мѣрѣ хода общаго развитія поэта. Въ дѣтствѣ Пушкинъ не

учился музыкѣ; въ лицейскихъ стихотвореніяхъ тоже нѣтъ никакихъ упоминаній объ этомъ искусствѣ. По выходѣ изъ лица онъ, сдѣлавшись записнымъ балетоманомъ, начинаетъ интересоваться музыкой, но только въ Одессѣ онъ ознакомился съ серьезной музыкой и его восторгъ передъ Россини достаточно извѣстенъ изъ его писемъ къ брату (авг. 1823 г.) и къ Дельвигу (16 ноября 1823 г.). Авторъ приводитъ всѣ упоминанія о музыкѣ, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ поэта. Наиболѣе близкое отношеніе къ области музыки имѣетъ поэма «Моцартъ и Сальери». Ивановъ говоритъ, что, судя по этой пьесѣ, поэтъ не имѣлъ яснаго представленія о природѣ и характерѣ музыкальнаго творчества. «Но въ «Моцартѣ и Сальери» высказаны и такія высокія мысли о музыкѣ, такой энтузіазмъ къ ней, который не можетъ оставаться безъ отклика въ душѣ всякаго музыканта».

Напрасно только авторъ винить Пушкина за фэбулу пьесы, которой онъ яко бы взвелъ тяжкій поклепъ на память невиннаго человѣка (Сальери). Во-первыхъ, теперь достовѣрно извѣстно, что Сальери не при чемъ въ смерти Моцарта, а во-вторыхъ, тему Пушкинскаго произведенія надо понимать, такъ сказать, внѣ времени и пространства: это—противоположеніе генія и таланта, а вовсе не обвиненіе извѣстной личности; имена Моцарта и Сальери попали сюда случайно и не могутъ имѣть отношенія къ ихъ біографіи. Большая часть книги посвящена историческому обзрѣнію и характеристикѣ оперъ, написанныхъ на Пушкинскій текстъ. Таковыхъ оперъ насчитывается около 20, но многія капитальныя произведенія («Капитанская дочка», о которой только думалъ Чайковский) еще совсѣмъ не использованы въ этой области. Зато нѣкоторыя оперы уже шли на заграничныхъ сценахъ («Евгеній Онѣгинъ» Чайковскаго, «Пиковая дама» Галеви).

Въ настоящее время оканчивается новая опера московскаго композитора Ильинскаго «Бахчисарайскій фонтанъ» г, вѣроятно, скоро появится на сценѣ. И долго еще геній Пушкина будетъ вдохновлять артистовъ и художниковъ.

Кромѣ оперъ, на текстъ произведеній Пушкина написано до 150 романсовъ, хоровъ, дуэтовъ и т. д.

Пушкинъ. Очеркъ Ив. Ив. Иванова. Съ 5 портретами, 9 рисунками и автографомъ поэта.

Въ своемъ очеркѣ Ивановъ даетъ намъ талантливую характеристику личности поэта, вкусившаго въ своей жизни и сладкія минуты, но гораздо больше горькихъ. Вотъ этимъ горькимъ минутамъ и посвящена главная часть очерка.

Неблагопріятны были условія общественной и семейной жизни поэта: и въ той и въ другой онъ являлся «лишнимъ» человѣкомъ. Но самое печальное—подъ конецъ своей творческой дѣятельности онъ оказался, если не «лишнимъ», то далеко и не необходимымъ для большинства читателей: немногіе поняли и оцѣнили по достоинству «Бориса Годунова». Авторъ очерка симпатичными штрихами рисуетъ намъ «непонятаго никѣмъ» поэта, все возрастающее враждебное отношеніе къ нему высшаго общества, внутреннія мученія— всю эту прозу жизни, которая закончилась неизбѣжнымъ открытымъ столкновеніемъ поэта съ его многочисленными врагами. Вина смерти Пушкина падаетъ не на отдѣльное лицо, а на все тогдашнее общество. Прекрасное развитіе и изложеніе темы дѣлаетъ очеркъ доступнымъ самому разнообразному кругу читателей.

Встрѣчаются нѣкоторыя мелкія неточности, (напр., утверженіе, что арапъ Ибрагимъ былъ сыномъ простаго негра (4 стр.), что у Копанскаго ничему полезному Пушкинъ не научился (31 стр.), что Пушкинъ умеръ 29-го января въ 4 часа дня (вмѣсто 2 ч. 45 м.), но онѣ нисколько не умаляютъ общаго прекраснаго впечатлѣнія.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Біографическій очеркъ, составленный А. И. Цомакионъ подъ ред. проф. М. У. Ал. Ив. Куртеникова.

Біографія поэта съ выясненіемъ значенія главныхъ его произведеній составлена превосходно. Это—лучшій популярный біографическій трудъ, какой намъ пришлось встрѣтить. Книжка составлена такъ, что доступна пониманію и народа и дѣтей и въ тоже время вполне научна. Очень удачно помѣщено упоминаніе и краткое разъясненіе о французской «просвѣтительной» литературѣ XVIII в. и разсказъ о предшественникахъ Пушкина, безъ чего неподготовленному читателю неясна заслуга Пушкина, какъ перваго вполне на-

ціонального поета. По своєї крайне дешевой цѣнѣ и общедоступному языку книжка въ особенности можетъ быть рекомендована читателямъ изъ народа. Къ числу маленькихъ недостатковъ надо отнести слѣдующее: слѣдовало бы пояснить такія слова, какъ «вирши, іезуиты» (какъ это сдѣлано съ словомъ «эпиграмма»); неясность (общая, впрочемъ, всѣмъ популярнымъ изданиямъ) въ упоминаніи о 14 дек. 1825 г. Но эти мелкія частности нисколько не умаляютъ общихъ достоинствъ этого полезнаго вклада въ популярную Пушкинскую литературу.

А. С. Пушкинъ. Біографія. Сычевой-Сафоновой.

Для кого предназначена эта біографія? Читателю, хотя поверхностно знакомому съ поэтомъ и его жизнью, она ничего не дастъ, такъ какъ въ ней сообщаются лишь внѣшнія свѣдѣнія да и то не полно (ни слова о причинахъ дуэли), въ человѣкѣ же, совсѣмъ не читавшемъ Пушкина и о Пушкинѣ, она не оставитъ никакого впечатлѣнія вслѣдствіе бессистемности и отрывочности сообщаемыхъ свѣдѣній. Затѣмъ, къ чему въ популярномъ изданіи такія подробности: «Пушкинъ любилъ хорошо поѣсть» (стр. 15), «Пушкинъ былъ причисленъ къ Мин. Ин. Дѣлъ съ жалованьемъ въ 600 р. въ годъ (стр. 13), а между тѣмъ о смерти поэта кратко и ясно сказано: «Онъ умеръ 29 янв. 1837 г., раненый на дуэли Дантесомъ» и затѣмъ прибавлено нѣсколько словъ о послѣднихъ минутахъ Пушкина.

Если книга предназначена для массы, то слѣдовало объяснить нѣкоторыя иностранныя слова, напр., карантинъ.

А. С. Пушкинъ. Жизнь и труды. Арк. Сосницкаго.

Брошюра, составленная Сосницкимъ, предназначается для народныхъ чтеній. О «трудахъ» Пушкина сказано очень мало; большее вниманіе удѣлено біографіи. Но и послѣдняя составлена какъ-то водянисто: нѣтъ ни изображенія рельефнаго характера поэта, ничего не сказано о его отрицательныхъ чертахъ и вслѣдствіе этого положительныя краски вышли блѣдны и шаблонны. Съ нѣкоторыми положеніями автора можно не согласиться: едва ли въ «Бахч. фон.» поэтъ воскресилъ «возможныя» событія и лица (стр. 16): трудно представить, чтобы такой ханъ, какъ онъ обрисованъ у Пушкина, могъ существовать въ Бахчисараѣ. Среди послѣдователей Пушкин-

ской школы не упомянуты такія величины, какъ Гоголь, Гончаровъ (стр. 21). Нельзя согласиться съ авторомъ и въ томъ, что отпѣваніе поэта совершилось съ подобающимъ торжествомъ. Гораздо лучше и полнѣе составлена другая книга для народа: «*Объ А. С. Пушкинѣ, великомъ писателѣ земли русской, о его жизни и сочиненіяхъ* рассказано въ память ста лѣтъ со дня его рожденія *Василемъ Михеевымъ*». Здѣсь не только излагается біографія Пушкина въ связи съ его литературной дѣятельностью, но и дается краткій обзоръ вообще русской литературы, что необходимо для неподготовленнаго читателя. Очеркъ написанъ въ общемъ систематично и хорошо, хотя и страдаетъ отъ нѣкоторой вычурности и искусственности языка.

Великій русскій поэтъ Ал. Серг. Пушкинъ. Біографія, составленная Пляшкевичемъ.

Для кого издано сіе писаніе на 28 страницахъ? Для взрослога и интеллигентнаго читателя оно, по скудости сообщаемыхъ свѣдѣній, не можетъ быть предназначено, а если для дѣтей и народа (о чемъ можно догадываться и по нравоученію на стр. 8-ой о томъ, что «должно уважать старшихъ»), то почему не объяснены такія слова, какъ Виландъ, Горацій, стансы? Встрѣчаются и прямыя неправильности: Указано, что Пушкинъ отъ 6 до 13 лѣтъ жилъ въ Захаровѣ, а между тѣмъ извѣстно, что 12 авг. 1811 года онъ поступилъ въ лицей. «Посланіе къ Ю—ву» отнесено къ 1816 г. (вм. 1815). О пребываніи въ лицей не сказано ни слова. А вотъ причина смерти поэта: «Болѣзнь и смерть матери и другія непріятности свели его въ могилу». Изданіе снабжено множествомъ опечатокъ.

Пушкинъ на Кавказѣ. Составилъ и издалъ Бѣлицевъ.

Составленіе этой книжечки заняло у автора, вѣроятно не болѣе часа. Онъ поступилъ очень просто: перепечаталъ у Л. Майкова записку Мих. Ив. Пущина о встрѣчѣ съ Пушкинымъ за Кавказомъ, помѣстилъ стихотворенія Пушкина, имѣющія отношеніе къ Кавказу («Кавказъ», «Обваль», «Делибашъ» и др.), снабдилъ отрывками изъ писемъ поэта къ брату и... книга готова. Простой и оригинальный способъ! Очевидно, изъ уваженія къ имени Л. Майкова цѣна назначена непомѣрная.

Пушкинъ для юношества. Евстафьева.

Эта брошюрка — оттискъ изъ книги того же автора «Новая русская литература». Биографія изложена слабо: нѣтъ никакой обрисовки характера поэта и слабо разработано соотношеніе между жизнью и творчествомъ поэта.

Авторъ даже не потрудился справиться о годѣ окончанія Пушкинымъ лица: этотъ фактъ у него отнесенъ къ 1816 году. Главная часть брошюры посвящена разбору произведеній поэта.

Въ юбилейной литературѣ имѣются три сборника стихотвореній, посвященныхъ Пушкину: *Поэты — поэту. Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ А. С. Пушкину на его кончину и открытіе памятника въ Москвѣ. И. Н. Божерянова.* 2) *Русскіе поэты о Пушкинѣ. Юбилейный сборникъ стихотвореній, составленный М. Н. Араловой* и 3) *Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній. Составилъ В. Каллашъ.*

Всѣ три сборника составлены совершенно различно: Божеряновъ далеко не исчерпалъ и своей ограниченной темы и далъ только 33 стихотворенія, Аралова въ своей тощей книжечкѣ помѣстила 38 піесъ различныхъ годовъ. Въ сравненіи съ сборникомъ В. Каллаша, о которомъ сейчасъ будетъ сказано, книга Араловой не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія. Впрочемъ, въ интересахъ справедливости, мы должны указать, что въ ея сборникѣ помѣщено стихотвореніе А. Полежаева «На память Пушкина», котораго нѣтъ у Каллаша.

Сборникъ Каллаша, въ сравненіи съ предыдущими, составленъ довольно полно, хотя, безотносительно, въ немъ много пропусковъ, которые будутъ указаны ниже. Здѣсь помѣщено 226 стихотвореній почти 200 авторовъ. По мысли составителя сборникъ долженъ былъ дать все, что есть въ русской поэзіи (и отчасти, иностранной) о Пушкинѣ (кромѣ драмат. произведеній) и потому здѣсь, на ряду съ знаменитымъ «Погибъ поэтъ, невольникъ чести...» Лермонтова, попадаютъ и мало удачныя творенія, напр. Швецова (стр. 255, рифмы: Пушкинъ — послушный и др.), Попова и проч. Весь матеріалъ по удачной мысли автора раздѣленъ на отдѣлы, по періодамъ. Такъ, первый отдѣлъ — стихотворенія при жизни Пушкина, второй — стихотворенія на смерть Пушкина, четвертый — на открытіе памятника

(1880 г.), такъ что при чтеніи не нарушается цѣльность впечатлѣнія. Жаль только, что авторъ кромѣ этого хронологическаго указателя не помѣстилъ еще и поименнаго, что значительно облегчало бы трудъ отыскиванія извѣстнаго автора.

При помощи нѣкоторыхъ справочныхъ изданій (напр. описаніе Пушкинскаго Музея Имп. Ал. Лицея) мы можемъ отмѣтить въ книгѣ Каллаша до 25 пропусковъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ (Варш. дневн., Смол. Вѣстн., Донская пчела, Кіевлянинъ, Новоросс. Телегр., Петербург. Газета, Харьк. Вѣд., Витебск. губ. Вѣд., Костромск. губ. Вѣд. и др.) за разные года слѣдующихъ авторовъ: Самойлова, Подушки, Миловидова, Ан. Александрова, Бурбонова, Карамышева, Савинова, гр. А. А. Голенищева-Кутузова и др.

Со своей стороны можемъ добавить, что въ юбилейной литературѣ помѣщены новыя стихотворенія: Гана, Гуревича, Голенищева-Кутузова, Аверкіева, Щепкиной-Куперникъ, Федорова-Давыдова, Бѣлоусова и др.

Пятидесятиязычный Пушкинъ, т. е. переводы А. С. Пушкина на 50 языковъ и нарѣчій міра. Библиографическій вънокъ на памятникъ А. С. Пушкину, сплетенный къ столѣтію его рожденія. Составилъ Драгановъ, кандидатъ историко-филологическаго фак. Импер. С.-Петербургскаго Университета, дѣйствительный членъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института, членъ-сотрудникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и помощникъ бібліотекаря Императорской Публичной Библіотеки.

Содержаніе брошюры Драганова раздѣляется на двѣ части: на предисловіе (весьма обширное и ничего общаго съ трактуемымъ предметомъ, кромѣ перечисленія заслугъ автора передъ русской литературой, не имѣющее) и на хронологическій указатель переводовъ Пушкина на различные языки (51). Обыкновенно, болѣе подробно говорится о первомъ или, вообще, одномъ переводѣ, а остальные означаются только количествомъ номеровъ. Возьмемъ, напр., переводы на нѣмецкій языкъ. Первый переводъ относится къ 1823 г. (Кавказскій Плѣнникъ) и вышелъ подъ инициаломъ В (Вульффертъ). Объ этомъ переводѣ узнаемъ у Драганова только внѣшнія подробности (отпечатанъ въ Сиб., 32 стран.) и ничего по существу. За-

тѣмъ указывается, что пионерами въ дѣлѣ знакомства Германіи съ Пушкинымъ были Кенигъ и Фарнгагенъ и слѣдующими за В (Вульффертомъ) переводчиками—Каролина Павлова, Ольбергъ, Липпертъ, Брандисъ и нѣк. др., а всего нѣмецкихъ переводовъ Пушкина и его пзученій 224 №. Очевидно, что настоящая книга есть не болѣе, какъ матеріалъ для будущей аналогичной рабсты.

Попадаются въ перечисленіи переводовъ и пропуски, которыхъ намъ удалось замѣтить до 30-ти. Пропущены нѣкоторые переводы на языки: французскій, итальянскій, нѣмецкій, англійскій, финскій, греческій, польскій, сербскій, болгарскій, чешскій, словацкій, хорватскій (у Драганова—иллирійскій), румынскій, армянскій, японскій. Укажемъ для примѣра на слѣдующіе пропуски: нѣтъ упоминанія о переводѣ на *ит. яз.* Делятра «*Racconti poetici di Puschchin. Firenze 1856 г.*», гдѣ помѣщены: Евг. Он., Кавк. Пл., Бах. Фон., Цыгане, Полтава. *Англ. яз.*: пропущенъ переводъ Левиса 1849 г.: Бор. Год. *Нѣм. яз.* Въ янв. 1833 г. въ журналѣ «*Dorpatser Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands*» (Дерпт) былъ напечатанъ оригиналъ и переводъ сцены «Григорій и злой чернецъ» пер. Розена. На *японскій яз.* существуетъ переводъ «Капитанской дочки», хотя и сокращенный. Въ перечнѣ *испанскихъ* переводовъ есть неточности: Драгановъ (со словъ Межова) приписываетъ первый переводъ нѣкоему V. S. C. (1879 г.), но это неправильно: первый переводъ (*Novelos Rusas*) появился въ печати въ 1877 г. ¹⁾ Спѣшнмъ оговориться, что мы не имѣли возможности навести справки по всѣмъ языкамъ, но, судя по пропускамъ, сосчитаннымъ нами въ 16 вышеуказанныхъ языкахъ, число всѣхъ дефектовъ должно быть весьма значительно. Въ дополненіе мы можемъ прибавить, что за послѣднее время появились еще переводы на еврейскій языкъ (Фришманъ. Избранныя стихотворенія Пушкина Спб. 1899), на словацкій («Па-

¹⁾ Для провѣрки перечисленія переводовъ у Драганова мы пользовались слѣд. книгами и статьями: „Пушкинъ въ славянск. перев.“ Пл. Кулаковскаго, бібліографіей Венгерова къ статьѣ А. И. Кирпичникова „Пушкинъ“ (энцикл. слов. т. 50), „Описаніе Пушкинскаго музея Имп. Александр. Лицея“ Аснаша п Яхонтова, статьей Кудрявскаго Истор. В. XI. 1899, статьей Ю. Веселовскаго въ „Пушкинскомъ Сборникѣ“ петербургскихъ литераторовъ и медкимп газетными замѣтками.

мятникъ» и «Пророкъ» Подъяворинской-Ризничъ въ журн. Slovenske Pohl'ady, VI, 1899), армянскій (Полтава, «Бр. разб.», «Скупой рыцарь» Теръ-Геворкіана), халдейскій («26 мая 1828 г.», «Воспоминаніе») ¹).

Что касается замѣчаній общаго характера, то нельзя обойти молчаніемъ, что, несмотря на свой возвышенный патріотизмъ и на всѣ литературныя и научныя свои заслуги (которыя подробно перечислены въ предисловіи), авторъ слабо владѣетъ русской литературной рѣчью («и пальца о палець не положили» стр. IX) и даже не совсѣмъ твердъ въ орфографіи («поимянно»). Попадаются и такія странныя опечатки, что Лермонтовъ умеръ въ 1814 году. Говоря о переводахъ на голландскій языкъ, авторъ называетъ Голландію родиной убійцы Пушкина. Утвержденіе довольно рискованное, принимая во вниманіе собственное показаніе Дантеса, что его родъ происходитъ изъ Ирландіи, а дѣдъ и отецъ его жили во Франціи ²).

Въ оцѣнѣ пушкинской поэзіи больше всего, повидимому, пострадало у Драганова стихотворенію «Клеветникамъ Россіи»: авторъ 9 разъ упоминаетъ о немъ въ своей брошюрѣ и не иначе, какъ съ умиленіемъ и съ присоедененіемъ эпитетовъ «знаменитое обвинительное стихотвореніе», «знаменитый гнѣвный вызовъ». Но съ особымъ жаромъ нападаетъ г. Драгановъ на Мицкевича, Вл. Соловьева и Спасовича. Невольно вспоминается извѣстная басня Крылова о слонѣ и его слишкомъ рьяномъ непріятелѣ.

Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина.

Неизвѣстный авторъ этой брошюры такъ опредѣляетъ цѣль ея изданія: «Общество обществу аukaется, а отклика нѣтъ: онъ теряется гдѣ-то въ промежуточномъ пространствѣ: добрыя русскія намѣренія не доходятъ до поляковъ, польскія до русскихъ». Самая брошюра представляетъ изъ себя отчетъ о литературномъ обѣдѣ въ честь Пушкина 23 мая 1899 г. Приведены рѣчи Спасовича, Кони, Карѣева, Арсеньева, Донимірскаго, Копѣры и мн. др. Общій тонъ рѣчей — примиреніе народовъ-братьевъ. Помѣщена масса телеграммъ, читанныхъ за обѣдомъ. Изъ послѣднихъ выдаются: Владисл. Миц-

¹) Переводы на халдейскій помѣщены въ Пушкинскомъ Сборникѣ П. В. лите- раторовъ.

²) Истор. В. XI, 1899, стр. 601.

кевича (сынъ поэта), Оржешко, многихъ проф. заграничныхъ польскихъ университетовъ. Обширное предисловіе констатируетъ улучшение отношеній между русскимъ и польскимъ обществомъ и вниманіе государственныхъ сферъ къ нуждамъ польскаго народа.

Въ заключеніе, обсуждая заявленія извѣстной части прессы, что еще недостаточно возстановлено довѣріе къ населенію царства Польскаго, авторъ справедливо замѣчаетъ: «Вѣдь въ царствѣ Польскомъ не существуетъ ни земскихъ, ни дворянскихъ учреждений, ни городскихъ выборныхъ управленій. Въ какой же области, при отсутствіи органовъ общественнаго самоуправленія, могла бы тамъ проявиться такая положительная дѣятельность, которая должна была бы свискать довѣріе къ нынѣшнему настроенію края?»

Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйств. Вс. Чешихина.

Очень миленькое произведеніе, написанное изящными стихами, наглядно рисующее одну изъ сценъ жизни Пушкина. Правда, ради цѣльности впечатлѣнія допущены нѣкоторыя хронологическія отступленія (такъ, Дельвигъ пріѣзжалъ къ Пушкину въ 1825 году, а въ этюдѣ—въ 1826 г.), но въ общемъ этюдъ очень удачный. Прекрасно обрисованы характеры Анны Вульфъ (Татьяны) и Зизи (Ольга). Пушкину прибавлено немного лишняго: онъ вовсе не былъ такимъ импровизаторомъ, какимъ изображаетъ его Чешихинъ: въ этюдѣ Пушкинъ импровизируетъ напр., «Деревню», «Пророка» и др. Это—несомнѣнно, *licentia poetica*. Часть роли Пушкина изложена его же собственными стихами.

Памяти Пушкина. Мысли въ стихахъ. Полтавина.

Невозможныя вирши на тему о добродѣтели Пушкина и негодности Мицкевича. Въ стихахъ встрѣчаются такіе перлы:

„...гдѣ безъ смуть столица такъ богата,
и гдѣ еврей такъ гордъ банкирской головой.“

Но лучше всего заключеніе:

„О какъ бы нашъ поэтъ себя усовершенлъ,
Коль прожилъ бы года, которые значилъ
Кончинъ вслѣдъ его, поэтъ-литвинъ такъ жалко
Спустившись съ высоты!“

Пушкинскій день. Косанскій и Добротворскій.

Эта макулатурная брошюрка въ 16 стр. представляетъ изъ себя плодъ поэтическаго творчества и фантазіи двухъ вышеупомянутыхъ авторовъ: первый написалъ стихотвореніе (довольно страннымъ языкомъ), а второй состряпалъ легенду.

БИБЛІОГРАФІЯ 1899 г.

(Также книги вышедшія вторымъ изданіемъ).

Анненковъ. А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху.

› *Матеріалы для біографіи Пушкина.*

Антокольскій. Шутки и остроты Пушкина.

Архангельскій. Пушкинъ въ его произведеніяхъ и письмахъ.

Борзенковскій. Великій поэтъ А. С. Пушкинъ.

Бороздинъ. Воспитательное значеніе Пушкина.

Бураковскій. Пушкинъ. Біографич. свѣдѣнія и разборъ для уч.

Буренинъ. Критическіе этюды о Пушкинѣ.

Бѣлинскій. Обзоръ русской литер. отъ Ломоносова до Пушкина.

› *Сборникъ статей о Пушкинѣ.*

В. Біографія Пушкина.

Вв—скій. Панихида на могилѣ Пушкина 26 м. 1880 г.

Венкстернаъ. Пушкинъ. Біографическій очеркъ.

Виноградовъ. Значеніе А. С. Пушкина для каждаго изъ насъ.

Витбергъ. Пушкинъ. Рѣчь на женскихъ педагогич. курсахъ.

Владиміровъ. А. С. Пушкинъ. Его жизнь и дѣятельность.

Гротъ. Я. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.

Демидовъ. Пушкинъ, его жизнь и творчество.

‹ *Дешевая бібліотека* ›. *Пушкинъ.*

Доманскій. Памяти Пушкина.

Достоевскій. Рѣчь о Пушкинѣ.

Дьякова. Біографія Пушкина для маленькихъ дѣтей.

Зелинскій. А. С. Пушкинъ въ разборѣ Бѣлинскаго.

› *Русская критическая литер. о Пушкинѣ.*

- Корольковъ.* Пушкинскіе дни въ Пензѣ.
Ладыженскій. А. С. Пушкинъ. Чтеніе для народа.
Либровичъ. Пушкинъ въ портретахъ.
Лобановъ. О мѣстѣ дуэли Пушкина.
Лирис. Einige Worte über Puschkin.
Мамонтовъ. Смерть Пушкина.
Марковичъ. О развитіи таланта Пушкина въ связи съ его біографіей.
Марковъ. Выбранныя сочиненія Пушкина въ связи съ его біографіей.
Назимовъ. Общественныя идеалы Пушкина.
Незеленовъ. Рѣчь о Пушкинѣ 29 янв. 1887 г.
 > Шесть статей о Пушкинѣ.
Никольскій В. Идеалы Пушкина.
 > Н. Пушкинскій сборникъ.
Изд. «Одесскаго лит.-арт. О-ва». Дѣло о Пушкинѣ (1820 г.).
Острогорскій. Очерки Пушкинской Руси.
 > Пушкинскій уголокъ.
 > Пушкинъ въ народной школѣ.
Павлицевъ. Воспоминанія о Пушкинѣ.
Петровъ. И. В. Памяти Пушкина.
Петровъ-Левлевъ. У памятника Пушкину.
Полтавинъ. Стихи для кантаты въ честь Пушкина.
Плутуховъ. Два года изъ жизни Пушкина.
Романовъ. Юбилейный сборникъ истор.-лит. статей о Пушкинѣ.
Румяны. музей. Пушкинская выставка въ М. П. и Р. М. Указатель.
Сиповскій. Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ.
 > Онѣгинъ, Татьяна, Ленскій.
Скабичевскій. Воспитательное значеніе Пушкина.
Соловьевъ Вл. Судьба Пушкина.
Стоюнинъ. Историческія сочин. ч. II. Пушкинъ.
Страховъ. Забѣтки о Пушкинѣ и друг. писателяхъ.
Т. Гдѣ же родился А. С. Пушкинъ?
Тихоміровъ. А. С. Пушкинъ. Чтеніе для школъ и народа.
 > А. С. Пушкинъ. Для дѣтей школьнаго возраста.
Троицкій. Религіозный элементъ въ произв. Пушкина.
Трубачевъ. Пушкинъ въ русской критикѣ.
Фаресовъ. А. С. Пушкинъ и чествованіе его памяти.
Филоновъ. Бор. Годуновъ. Истор.-эстет. разборъ.

Харчѣвъ. Чтеніе о Пушкинѣ.

Харьк. О-во Грамотн. А. С. Пушкинѣ.

Черняевъ. «Пророкъ» Пушкина въ связи съ его «Подражаніями Корану».

Черняевъ. Пушкинѣ, какъ любитель античнаго міра.

Шевляковъ. Пушкинѣ въ анекдотахъ.

Шлякинъ. Къ біографіи А. С. Пушкина.

Шмурло. Маска и письмо Пушкина.

Южаковъ. Любовь и счастье въ произведеніяхъ Пушкина.

Якушкинъ. О Пушкинѣ. Статьи и замѣтки.

Переводы соч. Пушкина.

Lupus. Нѣм. Eugén Onégin von Puschkin.

» Нѣм. Aus Al. Puschkins Dichtungen.

» Фр. Aux calomnieux de la Russie.

Тернеръ. Англ. Translation from Puschkin.

Фришманъ. Евр. Избранныя ст. Пушкина въ перев. на евр. яз.

Изданія сочиненій Пушкина.

А. И. Мамонтова въ 3-хъ тт.

Черноярова.

Сътина. Иллюстрированныя соч. Пушкина.

Художественное изданіе соч. Пушкина.

Полубояринова. Пушкинѣ для юношества.

Божоева. Избранныя соч. въ стихахъ и прозѣ.

Земскаго. Собраніе соч. Пушкина, Лермонтова, Кольцова и Земскаго
и масса изданій отдѣльныхъ произв.

Альбомъ юбилейной Пушкинской выставки въ С.-Петербургѣ.

Альбомъ » » » » Москвѣ.

Альбомъ «Пушкинскій уголокъ». Текстъ В. П. Острогорскаго.

Сочиненія безъ имени автора:

26 мая 99 г. въ Кіевской I мужской и Кіев. жен. гимн.

Поэтъ-Пушкинъ. Общедоступное чтеніе.

Сборникъ статей о Пушкинѣ.

Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ Пушкина.

Шутки и остроты Пушкина.

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Статьи студентовъ Императорскаго Московскаго
Университета

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Проф. А. И. Кирпичникова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1900.